

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВПО «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ
И ТЕРРОРИЗМУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Ставрополь
2016

УДК 323.2:338:442

ББК 65:66.3 (2 Рос):67

Редакционная коллегия:

Н.П. Медведев (отв. редактор), А.А. Аникеев,
В.И. Каширин

Проблемы укрепления безопасности и противодействия экстремизму и терроризму на Северном Кавказе: коллективная монография / отв. ред. проф. Н.П. Медведев. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. – 132 с.

В монографии раскрываются теоретические и практические вопросы укрепления безопасности и противодействия экстремизму и терроризму в современных условиях. Анализируются геополитические проблемы, вопросы противодействия и профилактики политического и религиозного экстремизма и терроризма в регионе.

Предназначена для научно-педагогических работников, органов государственного и муниципального управления, общественных организаций, работников СМИ, аспирантов и студентов, а также для тех, кто интересуется проблемами безопасности в регионе и в стране.

УДК 323.2:338:442

ББК 65:66.3 (2 Рос):67

© Коллектив авторов, 2016

© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2016

Введение

Среди многочисленных угроз современной безопасности политический и религиозный экстремизм и терроризм остаются одними из самых серьезных вызовов внутренней политической стабильности, межнациональному и межкофессиональному согласию России и её регионов.

В последнее время экстремизм и терроризм приобретает всё более отчетливо глобальный характер. Международные экстремистские и террористические организации превратились в мощные структуры, которые стремятся подчинить своему влиянию целые страны.

Об остроте и актуальности этой угрозы свидетельствуют совершенные в последнее время в различных странах жестокие преступления террористического характера, вызвавшие широкий общественный резонанс. К их числу относятся захват заложников в тунисском музее, теракты в Париже, подрыв российского гражданского самолета над Египтом, повлекшим многочисленные жертвы.

Рост угрозы распространения экстремизма и терроризма в мире связан, прежде всего с нестабильной обстановкой на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также с возрождением неонацизма на Украине. В 2014 г. было совершено около 12 тыс. терактов. Эта цифра свидетельствует о том, что экстремизм и терроризм стали долговременными явлениями современной общественно-политической жизни¹.

Фактором, способствующим распространению экстремизма и терроризма, является несовершенство миграционной политики и мер по социальной адаптации иммигрантов в странах Еуросоюза.

¹ Назаров В.П. О противодействии растущей угрозе глобального экстремизма (терроризма) и его новым проявлениям // Вестник Совета Безопасности Российской Федерации. – октябрь 2015. №5 (40).С.21.

В российских регионах, особенно на Северном Кавказе, продолжают действовать международные террористические организации, совершающие террористические акты, ведущие вербовку в ИГИЛ (ДАИШ), распространяющие его идеологию и осуществляющие финансовую поддержку.

Содержание данной монографии соответствует основным положениям важнейших государственных документов, направленных на обеспечение национальной безопасности страны. Таким документам, как Федеральному закону от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии терроризму», «Концепции противодействию терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 15.10.2009)».

Монография подготовлена в рамках проекта Института повышения квалификации научно-педагогических кадров Северо-Кавказского федерального университета «Проблемы повышения эффективности системы повышения безопасности России на Северном Кавказе» (руководитель проекта – ведущий научный сотрудник ИПК НПК СКФУ, доктор философских наук, профессор Н.П. Медведев). Данная работа развивает идеи ранее изданных книг (Угрозы безопасности России на Северном Кавказе / коллектив авторов. Ставрополь, 2004. – 336 с.; Пути и средства обеспечения безопасности Северного Кавказа / коллектив авторов. Пятигорск, 2009. - 460 с.; Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе в современных условиях / коллективная монография. Ставрополь, 2015. – 166 с.).

Внимание авторов направлено на исследование геополитических сдвигов, оценок экстремизма и терроризма как факторов разрушения современной цивилизации, угроз и технологий распространения идеологии «Исламского государства», миграционных сдвигов на Ближнем Востоке и в Западной Европе, путей преодоления идеологии политического и религиозного экстремизма.

В монографию включены статьи докторов философских наук В.И. Каширина и О.В. Кашириной молодежная экстремология в контексте теории информационной безопасности. В статьях кандидата исторических наук И.А. Аникеева даются современные оценки терроризма и основных тенденций его развития. Кандидат исторических наук Г.П. Савенко осветил эскалацию террористической деятельности в регионе в конце XX - начале XXI веков. Доктор политических наук А.К. Боташева изучила современные грани политического терроризма. Доктор исторических наук А.А. Аникеев и кандидат исторических наук С.В. Пинягин проанализировали миграционные сдвиги на Ближнем Востоке и Северной Африке и их последствия для стран Евросоюза.

Доктор философских наук О.Н. Гундарь, Е.С. Гундарь раскрыли пути преодоления идеологии современного экстремизма. Аспирант А.А. Лялин, Ю.Б. Акалелов проанализировали вопросы религиозного экстремизма в Ставропольском крае. И.А. Бокачев и И.И. Незнамова рассмотрели проблемы безопасности духовной культуры современного российского общества.

Точки зрения редакционной коллегии, авторов и издательства могут не совпадать. Ответственность за достоверность приводимых фактических и статистических данных, их интерпретацию и делаемые прогнозы несут авторы статей.

Каширин В.И, Каширина О.В.

Молодежная экстремология в контексте теории информационной безопасности

Дальнейшему развитию социально-гуманитарного знания в России мешает отсутствие междисциплинарности – осмысления *«сложных системных тенденций в науке, которые оказывают все более многостороннее воздействие на окружающую среду и общество. Во все более взаимосвязанном современном мире существует всеобъемлющая тенденция к появлению кросс-дисциплинарных систем»*. Особенно остро эта тенденция проявляется при образовании новых научных дисциплин и целых направлений. Например, при формулировке базовых понятий, а также ряда, казалось бы, устоявшихся в науке определений отдельных социальных явлений и процессов, натываемся на ряд белых пятен в параллельных гуманитарных науках, которые мешают рационализировать и упрощать текст, заставляют прибегать к метафорам. Так случается при разработке, например, социального времяведения, социальной экстремологии, гуманитарной кризисологии, социальной оптимологии и других гуманитарных дисциплин.

Одним словом, гуманитарные науки все более остро ощущают необходимость междисциплинарного сотрудничества. Отрадно сознавать, что такую потребность осознают не только работники науки, но и образования, и разработчики современных технологий.

А) Эра междисциплинарности российских технологий, науки и образования

На состоявшемся 24 июня 2015 года заседании Совета при Президенте РФ по науке и образованию на тему «Новые вы-

зовы и приоритеты развития науки и технологий в Российской Федерации» принято решение: *«приступить к разработке стратегии научно-технологического развития России на долгосрочный период»*. В докладе М.В. Ковальчука, говорилось: *«Мы являемся сегодня практически одной из стран, наиболее подготовленных для стратегического, научно-технологического прорыва»*. Новым глобальным вызовом в докладе назван научно-технологический приоритет – *«интеграция, слияние наук и технологическое освоение результатов междисциплинарных исследований. Базой для этого является опережающее развитие междисциплинарных фундаментальных исследований и междисциплинарного образования»*.

По существу, объявлено о наступлении новой эры в развитии образования, науки и технологий – эры междисциплинарности, подготовленной известными реформами научно-образовательной сферы. Однако, само явление междисциплинарности в российской философии науки недостаточно осмысленно и описано. Самыми крупными в этой области можно считать лишь две книги: Э.М. Мирского и Вал. А. Лукова.

Путь, избранный нами, заключается в том, чтобы выделить те теоретико-методологические и практические приоритеты научного анализа, и научных технологий (прикладных и интеллектуальных), которые базируются на стратегических целях и тактических задачах наук и метатеорий, связанных со стратегическими вызовами и целями современной цивилизации и современной России. В качестве основания для систематизации этих приоритетов, их разделения на стратегические и тактические, их интерпретации как аутентичных «вызовов» и адекватных «ответов», мы предлагаем *время* как самый распространенный критерий междисциплинарности, а точнее – *его образ*: а) в культуре (картине социальной жизни) – как культуру времени (настоящее как целостность:

прошлое как преемственность и будущее как целесообразность), б) в гуманитарной науке – как социальное времяведение (динамическое, сравнительное и умозрительное), в) в фундаментальной науке (научной картине мира) – как бесконечноподобие: времяподобие и пространствоподобие, г) в индивидуальном рисунке жизни – как смысловую времяцелостность (сегодня – есть вчера, плюс завтра), д) в прикладных (естественнонаучных) и интеллектуальных (социально-гуманитарных) технологиях – как природоподобие: внутреннее, внешнее и метавнешнее (глобальное).

Иначе говоря, мы исходим из приоритетов технологий, науки и образования, которые формируются на основе стратегических целей и тактических задач цивилизации в целом, и России, в отдельности, и которые, в силу этого, затрагивают предметную область нескольких наук и метанаук, и становятся междисциплинарными. При этом междисциплинарность рассматривается не только *по коллективно-пространственной горизонтали* (внутреннее – внешнее – метавнешнее) – как заинтересованность многих или нескольких наук в разработке определенного приоритета, но и *по индивидуально-временной вертикали* (прошлое – настоящее – будущее) – как участие отдельных наук и технологий в разработке определенного аналитического этапа данного приоритета.

В настоящее время в России создан совершенно новый научно-образовательный ландшафт, считает М.В. Ковальчук: почти четыре десятка университетов (около 10 федеральных, 30 исследовательских), созданы первые национально-исследовательские центры, проходит реформа академической науки.

Понятно, что в научно-образовательную сферу, при такой постановке, включены три важнейших ее компонента: 1) интегрированная междисциплинарная наука (прежде

всего фундаментальная), 2) природоподобные технологии (прикладные в естественных и технических науках и интеллектуальные – в социально-гуманитарных), 3) опережающее междисциплинарное образование (основанное на междисциплинарном и метапредметном преподавании достижений наук и технологий). Осмелимся предположить, а впоследствии доказать, что они взаимосвязаны по принципу диалектико-триалектической парадигмы: диалектическое взаимопревращение приоритетов любых двух не противоречит триалектической междисциплинарной взаимодополняемости приоритетов всех (по принципу «золотой пропорции»). Исходя из такой диалектико-триалектической матрицы можно определить, что триалектическое взаимодополнение структурных подразделений научно-образовательной сферы происходит по принципу: целостность настоящего (природоподобные технологии современности) – есть преемственность знаний и опыта уже подготовленных кадров в метаобразовании, плюс целесообразность использования открытий опережающего развития фундаментальных и социально-гуманитарных наук.

Однако триалектическая взаимодополняемость может изменяться в зависимости от разрешения диалектического противоречия приоритетов этой сферы, в частности тактических и стратегических, которое сказывается на трактовке *качества смысла опережения* (антиципации – предвосхищения, связанного или с категорией цели, или с категорией научного предвидения). Например, опережающее развитие метапредметного и междисциплинарного образования (метаобразования) зависит от опережающего развития науки, а вместе они являются условиями прорывных природоподобных технологий. Однако, со своей стороны, и природоподобные технологии (прикладные и интеллектуальные) могут формировать **«вызовы опережения»** и

для метаобразования, и для фундаментальных и гуманитарных наук. Иначе говоря, одни и те же главные приоритеты научно-образовательной сферы могут быть в одной пространственно-временной ситуации стратегическими, а в другой ситуации – тактическими, оставаясь главными для всех компонентов этой сферы.

В такой трактовке предстоит еще четко определить, как формируются *тактические приоритеты* (носящие рыночно-отраслевой характер, определяющие ближнесрочную перспективу и обеспечивающие эволюционно-модернизационное развитие существующей технологической базы, и нацеленные на конкретные продукты и рынки), и *стратегические приоритеты* (определяющие среднюю и в основном долгосрочную перспективы, обеспечивающие создание принципиально новых прорывных технологий на базе результатов фундаментальной науки и приводящие к смене технологического уклада, а конкретные продукты на начальном этапе не прогнозируемы). При этом тактические и стратегические приоритеты диалектически взаимосвязаны и взаимообусловлены: в отсутствие первых (тактических) будущее может не наступить, а в отсутствии вторых уменьшается значимость решения тактических задач.

В нашей стране уже был успешный пример выработки и реализации таких приоритетов двух типов: СССР выиграл войну, реализуя приоритеты первого типа, а новый атомный вызов задал новый стратегический приоритет, «вызов опережения». В настоящее время новый стратегический вызов был осознан государством и сформирован в президентской инициативе – Стратегии развития nanoиндустрии, первые два этапа которой успешно завершаются в 2007-2015 годах. Реализация третьего этапа приведет к опережающему развитию принципиально новых направлений, обеспечивая создание принципиально нового технологического базиса

экономики в ближайшие 10-20 лет. Учитывая важность этой моноцели, потребуется мощное аналитическое и ресурсное сопровождение как тактических, так и стратегических приоритетов.

С точки зрения аналитического сопровождения междисциплинарности предстоит разработать механизм диалектического взаимодействия стратегических и тактических приоритетов, в частности, такого перехода от одного определения к другому, в котором обнаруживается, что эти определения односторонни и ограничены, то есть содержат отрицания самих себя. Поэтому их диалектика есть *«движущая душа всякого научного развертывания мысли и представляет собой единственный принцип, который вносит в содержание науки имманентную связь и необходимость...»* (Г. Гегель). Диалектика стратегических и тактических приоритетов порождает целостность и полноту настоящего – в частности формулировку моноцели, возникающей в контексте междисциплинарности перед научно-образовательной сферой, и «вызовы опережения», представляющие вместе с моноцелью главные приоритеты этой сферы.

К главным, на наш взгляд, относятся и приоритеты теории информационной безопасности, которые создают необходимость в разработке новой дисциплины – молодежной экстремологии.

Б) Молодежная экстремология как ответ на требование информационной безопасности

Молодежная экстремология как составная часть гуманитарной кризисологии, появилась в ответ на «требование времени» обеспечить информационную безопасность – «защищенность информационной среды личности, общества и государства от преднамеренных и непреднамеренных угроз

и воздействий». Это требование относится ко всем слоям российского общества, но прежде всего к транзитивной, возрастной группе, малоопытной и требующей особого внимания со стороны общества – к молодежи.

В российской гуманитаристике молодежная экстремология может занять достойное место и как часть развивающейся науки о молодежи – ювенологии, и как составная часть метанауки – гуманитарной кризисологии, и как часть общей науки об информационной безопасности людей в информационных потоках и полях.

Впервые обобщил уже имеющиеся в российской научной литературе описания, относящиеся к рождающейся новой универсальной дисциплине – «*экстремологии*» как «общепризнанного универсального учения об экстремумах, которому предстоит сформироваться достаточно скоро», А.А. Крушанов. Он подчеркивал, что понимание «*экстремизма*» фиксирует всякое изменение в природе, обеспечивающее *минимальное* или *максимальное* значение некоторой величины этого изменения. Появилось оно давно, в связи с тем, «что повсюду природа действует согласно принципу максимума или минимума». Экстремальным при этом может быть или максимальное, или минимальное значение параметра в зависимости от специфики системы. В большей степени это отмечается в неживой и живой природе. В биологии реальное наблюдение экстремальных принципов, обеспечивающих организму максимум шансов на *выживаемость*, привело к выдвиганию принципа *оптимальной* конструкции биосистем, позволяющего расходовать доступные ресурсы экономично. В социальном познании эти проблемы имеют место в ряде специальных дисциплин: «теория принятия решений», «исследование операций», «системный анализ». А.А. Крушанов указывает на имеющиеся публикации по исследованию экстремумов и оптимумов, в которых проявляется постепенная,

но прогрессирующая консолидирующая динамика, и «со временем все наличные данные обсуждаемого рода будут обязательно интегрированы в едином массиве знания».

В социальном познании такая консолидирующая динамика учения об экстремумах проявляется в формировании молодежной экстремологии, акцентирующей внимание на юношеском максимализме и его необходимых связях с принципами оптимизации и поведения, и деятельности молодежи.

Исследователи в молодежной среде отмечают, что в настоящее время наблюдается еще мало изученная в России *тенденция мутирования патриотизма в шовинизм, экстремизм и национализм..* Эта тенденция явилась, на наш взгляд, следствием гротескных форм темпорального расщепления духовного мира, наступившего в результате как глобальных геополитических событий, так и духовно-нравственного состояния постсоветского общества. Однако, с присоединением Крыма к России, в молодежной среде указанная тенденция мутирования патриотизма в экстремизм резко снизилась. Появляется чувство гордости за свою Родину, осознание роста могущества нашей страны, стремление к консолидации общества. Но с другой стороны, за 20 лет постсоветской власти не созданы по-настоящему эффективные механизмы патриотического воспитания всех групп и возрастов молодежи. Не созданы и по-настоящему надежные исследовательские востребованности и предпосылки для осмысления этой «неожиданно» возникшей проблемы. И пока государство ищет деньги на издание специальной литературы по патриотизму, шовинизму и экстремизму, на организацию органов молодежной печати в Москве и регионах, журналов и газет специально для молодежи – патриотической, а не сексуальной направленности, в молодежной среде уже разразился *острый кризис духовной самоидентификации и самоутверждения*, связанный с проникновением в нее бытового шовинизма и

экстремизма. Появляется острая потребность в разработке молодежной экстремологии как оппозиции теории и практике экстремизма и шовинизма.

Когда французский солдат Н. Шовен, ветеран наполеоновских войн, создавших «величие» Франции, произнес ставшую крылатой фразу «*Французы лучше всех, все хуже французов*», он еще не знал, что найдет себе миллионы поклонников – выразителей крайней агрессивной формы воинствующего национализма: *великодержавного шовинизма, бытового шовинизма, джингоизма*, проповедующих национальную исключительность, противопоставление одной нации всем другим, распространение национального чванства, разжигание национальной вражды и ненависти. Словом «шовинизм» стали обозначать различные проявления националистического экстремизма сторонниками крайних взглядов и мер в политике.

В молодежной среде экстремизм находит опору в существе молодежи *максимализме* – в чрезмерности, неосторожности, крайности во взглядах, требованиях, проявлениях. Максимализм на почве бытового шовинизма способен расщепить внутренне время, расколоть духовный мир молодого человека, отравить его непониманием целесообразности тех или иных национальных норм поведения, традиций, обычаев.

Экстремизм (лат. *extremus* – крайний) – приверженность к крайним взглядам, мерам обычно в политике, религии и др.). Экстремизм не исчерпывается только его политическими и религиозными формами. Нередко под экстремизмом понимают деятельность и специфический жизненный стиль некоторых групп людей, творящих собственную характерную культуру и «символический мир», которые решительно противоречат нормам общества и доминирующей культуры. Экстремизм конституируется

чаще всего как характеристика группового молодежного сознания.

Различают бытовой и государственный экстремизм, которые отличаются не только сферами их проявления, но и своими истоками, способами генерирования экстремизма как формы общественного (экстремистского) сознания. Бытовой экстремизм, встречающийся довольно часто в отношениях между цивилизационными субъектами (личностями или социальными группами любого масштаба), генерируется некоторыми постоянными факторами человеческого развития, искаженно отражаемыми в молодежном сознании. Важнейшим из них является антропологический фактор базирующийся на трех естественных основаниях: 1) различиях между мужчинами и женщинами, определяющих различия в положении полов в экономике, политике, в быту и т.п., которые лживо интерпретируются, например, как эволюция мужского доминирования – мужского шовинизма или женского протеста – радикального феминизма; 2) на этнических различиях, интерпретируемых информоружием в форме радикального национализма и этнических конфликтов; 3) на межпоколенных различиях (конфликт «отцов и детей»), специально раздуваемых манипуляторами молодежного сознания как противоречия трех поколений, стимулируя появление разнообразных молодежных субкультур и контркультур (хиппи, панков, скинхедов, рэпперов и т.п.).

Помимо искаженного антропологического фактора, экстремизм (бытовой и государственный) генерируется ментальным фактором, основанным на групповом нарциссизме и групповой нетерпимости, порождающими экстремизм «плоти и крови», который как правило, воспроизводится в сетевых войнах авторскими идеями харизматических лидеров, пророков, философов.

Фундаментальной причиной государственного экстремизма является социальный фактор, особенно в обществах, организованных иерархическим способом, что порождает насилие, жестокость, эксплуатацию человека человеком. К типичным социальным группам, воспроизводящим экстремистские взгляды, относятся: а) влиятельные группы, рвущиеся к власти; б) аутсайдерские группы, ненавидящие господствующий социальный порядок и пытающиеся перевернуть его; в) критически настроенные интеллектуалы, негодующие на социальную несправедливость и конформизм. Экстремизм (бытовой и государственный) часто провоцирует конфликты и кризисы, опираясь на агрессивность сознания и самосознания молодежи.

Почему же гуманитарная кризисология и молодежная экстремология, несмотря на всю многоплановость и сложность конфликтно-кризисных процессов, относятся к общей теории информационной безопасности? На наш взгляд, это определяется важными обстоятельствами, *во-первых*, вековая практика антикризисных мер показывает, что любые причины и последствия кризисов и конфликтов – позитивные или негативные – всегда и обязательно имеют информационный характер, сказываются как на нынешнем состоянии сторон, так и на их судьбе. А в концепции *сетецентризма* информационные предпосылки и последствия операций сетевой войны, как мы увидим далее, имеют первостепенное значение, поскольку основой всех сетевых войн является проведение **операций, базирующихся на эффектах (ОБЭ)**. Такой операцией был, например, киевский «евромайдан», годовщину которого в Киеве праздновали 21 ноября 2014 года как День достоинства и свободы.

Эти операции, имеющие характер провокаций, базирующихся на информационных эффектах манипуляции общественным сознанием, имеют откровенно агрессивный и экс-

тремистский характер. Именно они и являются основным предметом гуманитарной кризисологии и молодежной экстремологии.

Во-вторых, в философских и гуманитарных исследованиях российская безопасность все больше трактуется как безопасность от выпадения в маргинальное положение в эпоху глобализации. Путь к безопасности многие ученые видят в модернизации, предполагающей коллективную мотивацию. Однако сплоченность вокруг общей идеи таит в себе и опасность «усредненности в шариковых». Наше политическое прошлое служит напоминанием о значимости индивидуального выбора, личных усилий к совершенствованию. Губительными последствиями в будущем обернется и политика в образовании, ведущая к недооценке гуманитарных дисциплин, формирующих человека как творческую и морально-ответственную личность, а не просто как конкурентноспособного субъекта. Мало того, целая группа философов и гуманитариев очень остро поставила проблему социальной архаизации в структуре цивилизационного развития России. Они отстаивают главный тезис: социальная архаизация – один из процессов, неизбежность которого диктует необходимость поиска новых путей и иного содержания управления социальными процессами, поскольку «общество стало на путь широкомасштабной архаизации. И все управление ими свелось именно к управлению архаизацией». Гуманитарная кризисология и молодежная экстремология, на наш взгляд, обнимают и эту группу проблем маргинализации и архаизации общества как проблем общей теории национальной и информационной безопасности.

Итак, молодежная экстремология как составная часть гуманитарной кризисологии имеет определенную теоретическую базу, чтобы интегрировать требование информационной безопасности молодежи.

Литература

1. Глобалистика.Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М. – СПб: ЕЛИМА, Питер, 2006. – 1160 с. (С. 506).

2. Мирский Э.М. Междисциплинарность исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980.

3. Безопасность информационная / Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / Гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М.– СПб.– Нью-Йорк: «ЕЛИМА», «Питер». – 2006. – 1100 с. (С. 59-60)

4. Павловский В. В. Ювентология: Проект интегративной науки о молодежи. М.: Акад. проект, 2001. – 304 с.; Слуцкий Е. Г. Основы ювентологии и ювенальной политики: история становления, проблемы и перспективы. СПб., 2000; Основы ювентологии: Опыт комплексного междисциплинарного исследования / Науч. ред. Е. Г. Слуцкий; Отв. ред. И. В. Скомарцева. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: БИС-принт, 2002; Ювентология и ювенальная политика в XXI веке: Опыт комплексного междисциплинарного исследования / Под ред. Е. Г. Слуцкого. СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2004.

5. Крушанов А.А. Современный образ мира: признаки скрытой виртуализации / Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. – М.: Прогресс – Традиция, 2004. – 384 с. (С. 108-142).

6. Асеев В.А. Экстремальные принципы в естествознании и их философское содержание. – Л., 1977; Разумовский О.С. От конкурирования к альтернативам. Экстремальные принципы и проблемы единства научного знания. – М., 1983.

7. Быков А.К. Сущностная интерпретация государственной политики в области патриотического воспитания молодежи / Формирование российской идентичности и патриотизма

как консолидирующей основы полиэтничного социума: Сб. научных работ. – Ростов-на-Дону – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – 106 с. (С. 8).

8. Степанянц М.Т. Культура как гарант российской безопасности // Вопросы философии. – 2012. – № 1.

9. Подборка статей о дискуссии по социальной архаизации: Философские науки. – 2012. – № 6.

И.А.Аникеев

Терроризм как фактор разрушения современной цивилизации

В современной отечественной научной литературе под терроризмом принято понимать использование насилия или угрозы его применения в отношении отдельных лиц, группы лиц или различных объектов с целью достижения политических, экономических, идеологических и иных выгодных террористам результатов. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии терроризму» определяет терроризм, как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Чтобы разграничить понятия «террор» и «терроризм» необходимо дать понятие сущности терроризма. Под сущностью терроризма следует понимать совокупность признаков, присущих терроризму как преступному деянию. Отличительной чертой терроризма является то, что он порождает высокую общественную опасность в результате со-

вершения общепасных действий, при этом умыслом террориста является причинение смерти лицам, которые захватываются в качестве заложников. Терроризм имеет публичный характер его исполнения. Особенностью терроризма является преднамеренное создание обстановки страха, подавленности, напряжённости. При терроризме общепасное насилие применяется в отношении одних лиц, а воздействие в целях склонения к определённому поведению оказываются на другие лица.

Нередко понятие террор и терроризм употребляются как синонимы. Мы видим, что терроризм - это преступление, совершаемое над группой людей с умыслом достижения определённых целей. Террор - способ действия любого субъекта (государства, организации, физического лица) с использованием силы, угрозы, путем возбуждения страха. То есть террор - массовое насилие, применяемое в основном субъектами власти, и в связи с этим существуют понятия «идеологический террор», «административный» «государственный террор».

Таким образом, терроризм можно определить, как политику, основанную на систематическом применении террора. В российском праве он определяется как идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и/или иными формами противоправных насильственных действий.

«Незаконное применение силы или насилия против лиц или имущества с целью запугивания или принуждения правительства, гражданского населения или любого из этих сегментов в целях достижения политических или социальных целей» - это официальное определение терроризма от Федерального бюро расследований, на которое ссылаются государственные органы США, в том числе Госдепартамент.

Рамочное решение Совета ЕС по борьбе с терроризмом от 13 июня 2002 года признает в качестве террористических деяния, которые по своему характеру или в силу обстановки способны нанести серьезный ущерб стране либо международной организации и совершаются с целью: серьезно устрасшить население или неправомерным образом заставить публичные власти либо международную организацию совершить какое-нибудь действие или воздержаться от его совершения, или серьезно дестабилизировать или разрушить основополагающие политические, конституционные, экономические или социальные структуры страны либо международной организации.

К подобным деяниям относятся: посягательства на жизнь людей, способные повлечь за собой наступление смерти; тяжкие посягательства на здоровье лица; похищение человека или захват заложника; причинение крупных разрушений правительственному или публичному сооружению, транспортной системе, инфраструктуре, включая информационную систему, стационарной платформе, расположенной на континентальном шельфе, месту общественного пользования или частной собственности, когда эти деяния способны вызвать опасность жизни людей или нанести значительный экономический ущерб; захват воздушных, морских судов либо иных средств общественного или грузового транспорта; изготовление, владение, приобретение, перевозка, поставка или использование огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, ядерных, биологических или химических боеприпасов, а также (в отношении биологических и химических боеприпасов) проведение мероприятий по их исследованию и разработке; высвобождение в окружающую среду опасных веществ или попытка вызвать пожары, наводнения, взрывы, если в результате этого создается опасность для жизни людей; нарушение или временное прекращение снабжения водой, электроэнер-

гией или любым другим природным ресурсом, имеющим жизненно важное значение, в результате чего создается опасность для жизни людей; угроза осуществить одно из деяний, перечисленных выше.

Этимология термина «терроризм» свидетельствует о том, что корни этого понятия произрастают из латинского слова «terror», обозначающего страх, ужас. И действительно, необходимым элементом, присутствующим в любой террористической акции, является устрашение политического противника, либо тех людей, которые выступают в роли непосредственных жертв террористов. Однако грубое подавление психики не является самоцелью терроризма. Нагнетание страха выполняет роль вспомогательного средства для достижения определенной цели: получить материальные или политические выгоды, заставить представителей власти или правоохранительные органы выполнить требования террористов, изменить политический курс и т.д.

Следует также подчеркнуть, что в качестве объекта насильственных противоправных действий террористов выступают не только непосредственные жертвы насильственных акций - представители органов власти или случайные, не имеющие никакого отношения к политике люди, но и отдельные элементы конституционного строя: порядок управления, политическое устройство, общественные институты, экономическая и военная мощь государства и т.д. Впервые террор как метод политического действия появился во время Великой французской революции и использовался радикальными революционерами для репрессий против политических противников. Применение насильственных методов в политике осуществляется как государствами в отношении политической оппозиции, так и различными подпольными группами против господствующих элит и государственных институтов.

Наиболее крупными террористическими организациями в конце XX – начале XXI в. явились: «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»), «База» («Аль-Каида»), «Движение Талибан», «Джебхат ан-Нусра» («Фронт победы»), «Имарат Кавказ» и др. В последние годы среди террористических группировок начался процесс объединения. С февраля 2014 г. среди всех исламских группировок стала особым образом выделяться террористическая организация «Исламское государство Ирака и Леванта (Шама)» (ДАИШ), впоследствии переименованная в «Исламское государство», которая считается самой жестокой и масштабной на Ближнем Востоке.

Процесс глобализации привел к транснационализации инфраструктуры терроризма, свободному перемещению боевиков, финансов, оружия, распространению экстремистских идей и подрывной литературы. Все это стало причиной появления в научной и публицистической литературе термина «международный терроризм», определение которого также сталкивается с трудностями объективного и субъективного характера. Так, на VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1990 г. в докладе Генерального секретаря ООН говорилось: «Международный терроризм можно охарактеризовать как террористические акты, при совершении которых исполнители (или исполнитель) планируют свои действия, получают руководящие указания, приезжают из других стран, спасаются бегством или ищут убежище, или получают помощь в любой форме не в той стране или странах, в которых совершаются эти действия». В Декларации Генеральной Ассамблеи ООН 2000 г. была отмечена безотлагательность решения задачи по предотвращению и ликвидации международного терроризма, а на пленарных заседаниях, особенно после со-

бытий 11 сентября 2001 г., вновь подчеркнута приоритетная необходимость в юридической базе для борьбы с ним. В настоящее время в рамках ООН создана рабочая группа по разработке современной конвенции по международному терроризму.

Однако учесть и каким-то образом унифицировать разнообразие проявлений и мотиваций современных террористов чрезвычайно сложно. Разнится в мировом сообществе и понимание национальной безопасности. Поэтому соответствующие документы, принятые в рамках ООН, ее специализированных или связанных с ней учреждений, региональных и других организаций (например, «восьмерки»), так же, как и национальные законодательства, сосредоточены на акциях, составляющих терроризм, и мерах их пресечения. В системе ООН, в частности, эти акции разделены на четыре категории: 1) направленные против определенных видов транспорта или конкретных сооружений; 2) направленные против конкретных категорий лиц; 3) захват заложников; 4) использование определенных веществ или устройств для террористических целей. Как видим, целая группа вопросов еще не получила международно-правовой разработки.

Тем не менее, выработан целый ряд международных документов, относящихся к борьбе с терроризмом, среди которых можно назвать Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (1963), Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970), Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971), Конвенцию о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, том числе дипломатических агентов (1973), Международную конвенцию о борьбе с захватом заложников (1973), Конвенцию о физической защите ядерного материа-

ла (1979), Резолюцию ГА ООН о недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах (1984), Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (1988), Конвенцию о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения (1991), Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма (1994), Декларацию совещания министров «восьмерки» в Оттаве по борьбе с терроризмом (1995), Международную конвенцию о борьбе с бомбовым терроризмом (1997), Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма (1999), Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма (2005) и др.

Типологий терроризма так же много, как и его определений. Различные типологии помогают увидеть всю широту этого явления, разнообразие составляющих его действий, а также конкретизировать уровень распространенности случая (локальный, региональный, глобальный) и определить адекватный ответ. При этом следует учитывать, что терроризм постоянно видоизменяется, и каждый инцидент требует анализа конкретных социально-исторических и политических условий. Многие проявления терроризма содержат в себе столько компонентов, что их очень трудно поместить в рамки какой-то одной типологии. Российский политолог Ю.И.Авдеев, обобщая распространенные основания для классификации видов терроризма, называет следующие критерии: основные используемые методы - физический и психологический терроризм; политические цели - революционный, контрреволюционный, конфронтационный и мобилизационный терроризм; характер объектов воздействия - селективный и массовый (любое множество людей) терроризм; субъект действия - государственный (террор) и негосударственный (терроризм);

отношение субъектов терроризма к правящему режиму - проправительственный и оппозиционный; географический (регион) – ближневосточный, европейский, латиноамериканский и др. терроризм; характер используемых средств - традиционный (холодное и огнестрельное оружие, взрывчатые вещества) и технологический (новые средства поражения, в том числе оружие массового уничтожения: ядерное, бактериологическое и химическое); специфика пространственных условий - на суше, на море (пиратство) и в воздушном пространстве (воздушный терроризм); идейно-политическая платформа - идеологический, националистический, религиозный терроризм со своими разновидностями.

Разумеется, это перечисление не исчерпывается указанными типами, и его можно было бы продолжить, например, классифицировать терроризм в зависимости от количественного состава его структур: «индивидуальный», «групповой» и «массовый». Отметим, что существует три основных взгляда на собственно природу (сущность) терроризма: исходя из боевых проявлений террористической деятельности, криминальных и социально-политических. В соответствии с первой позицией, терроризм рассматривается как специфический вид вооруженных действий и определяется как «вооруженный конфликт наивысшей интенсивности». Вторая точка зрения делает акцент на криминальной составляющей и классифицирует терроризм как особый вид уголовного преступления. Третья - считает терроризм видом политической борьбы, формирующимся на основе социально-политического протеста. Наиболее содержательной с точки зрения политического анализа представляется типология терроризма по идейно-политическому содержанию.

Помимо типологии терроризма, предложенной Ю.И.Авдеевым, имеются и другие. Например, уругвайский профессор международного права Г.Лапейре в своей моно-

графии «Насилие и террор» классифицирует терроризм на следующие виды: политический, религиозный, этнический, государственный. Авторы справочника «Терроризм и террористы», изданного в Минске, предлагают типологию терроризма как социально-политического явления: политический, социальный (левый - революционный, «красный» и правый - контрреволюционный, «черный»), национальный (сепаратистский, национально-освободительный, репрессивный национальный), территориально-сепаратистский, мировоззренческий (религиозный: фундаменталистский и сектантский, а также экологический, феминистский) и, наконец, уголовный.

В чистом виде каждый из них практически не встречается. В любом виде, как правило, почти всегда присутствуют несущественные признаки другого. Например, в «чеченском» терроризме присутствуют националистическая, религиозная и уголовная (насилие со стороны криминальных структур и криминального бизнеса политических террористов) составляющие.

Подводя итоги, можно констатировать, что составление типологии преследует скорее прагматические, нежели теоретические цели. Типология призвана помогать совершенствованию разработок методик борьбы с терроризмом, содействовать прогнозированию его возможных эволюции. Иначе говоря, типология может быть ориентиром в изучении терроризма.

В настоящее время наибольшую опасность приобрел ближневосточный терроризм. Создание так называемого «Исламского государства», «Джабхат ан-Нусра» и других наследников «Аль-Каиды» привело к формированию армии террористов на территории Ирака и Сирии, которая захватила огромные территории, нефтяные ресурсы и т.д. Так, например, «ИГ» в августе 2015 г. контролировало до 70% терри-

тории Сирии и угрожало национальному суверенитету этого государства. В случае захвата Дамаска или Багдада террористические банды могли получить статус официальной власти и создать плацдарм для образования единого мусульманского халифата – конечной цели «ИГ».

Как подчеркнул Президент России В. Путин на заседании клуба «Валдай»: «Всеми международному сообществу пора, наконец, понять, с чем мы имеем дело. По сути, с врагом цивилизации, человечества и мировой культуры, которая несет идеологию ненависти и варварства, попирает мораль, ценности мировых религий, в том числе и ислама, компрометируя его».

Опасность ИГИЛ состоит в том, что в ее ряды вливаются все новые сторонники, завербованные из зарубежных стран. В настоящее время в составе ее боевых отрядов воюют представители более 100 государств, в том числе 7 тыс. человек из стран бывшего СССР.

Для пропаганды своих идей и вовлечения новых сторонников «ИГ» использует не только вербовщиков во многих странах, но и Всемирную сеть «Интернет». Прокуратура Российской Федерации только в ноябре 2015 г. вынуждена была заблокировать 450 Интернет-ресурсов, через которые в нашей стране вербовались сторонники террористов и собиралась помощь.

США и их союзники по НАТО создали коалицию борьбы с ИГИЛ, начали, казалось, систематически вести бомбардировки ее баз. Однако последние годы террористы только расширяли территорию захвата, уничтожали города и деревни Сирии, включая древнейшие памятники Пальмиры. Тысячи жителей Сирии и других стран Ближнего Востока и Северной Африки устремились в Европу.

Учитывая опасность дальнейшего расширения террористических группировок на Ближнем Востоке, Российская

Федерация с 30 сентября 2015г. начала военную операцию в Сирии.

Таким образом, начало третьего тысячелетия ознаменовалось появлением многочисленных террористических организаций, деятельность которых стала важным фактором уничтожения современной цивилизации. В современных условиях требуется объединение усилий всех государств в борьбе с международным терроризмом – абсолютным злом современности.

Литература

1. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии терроризму» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/4fdc493704d123d418c32ed33872ca5b3fb16936/ - дата обращения 11.11.2015.

2. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление / Современный терроризм: состояние и перспективы. М. 2000. С. 5-10.

3. <https://m.fbi.gov/#https://www.fbi.gov/albuquerque/about-us/what-we-investigate>.

4. <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32002F0475>.

5. Организации запрещены в Российской Федерации и некоторых других странах.

6. Нечитайло Д.А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика. М. 2011.

7. Практикум по международному праву. Ставрополь, 1995. С.265-277.

8. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление / Современный терроризм: состояние и перспективы. М. 2000. С. 11-12.

9. Жаринов К.В. Терроризм и террористы: Ист. справочник / Под общ. ред. А.Е. Тараса. - Мн.: Харвест, 1999.

10. Путин В.В. Выступление на заседании клуба «Валдай»
// <http://путин.ru-an.info>.
11. ВГТРК.1. Вечерние новости. 2015 г.10 ноября.

И.А.Аникеев

Основные тенденции современного терроризма в оценке «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации»

В российском законодательстве и литературе терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Одним из объектов террористических устремлений в 90-х годах XX века стал Северный Кавказ. Деятельность террористических групп и организаций, как местного масштаба, так и связанных с международными террористическими организациями, зародилась в период первой и второй «чеченских кампаний». Потоки оружия, радикальной литературы и подготовленных боевиков шли не только из стран Ближнего и Среднего Востока, но и из террористических организаций и этнических землячеств некоторых стран Запада.

С «замирением» Чечни активность боевиков не снизилась. Более того, она распространилась на другие субъекты Северного Кавказа. Террористические группировки сохранили скоординированность действий, повысили уровень конспирации. Теракты нередко совершались одновременно в нескольких республиках. В последние годы целью террористов стали сотрудники правоохранительных органов. У чле-

нов бандподполья при задержании обнаруживались списки работников МВД, ФСБ, прокуратуры, военнослужащих, а также номера их автомобилей, инструкции по изготовлению самодельных взрывных устройств. Особенно отчетливо эта тенденция проявлялась в деятельности таких террористических групп как «Шариат» (Дагестан), «Ярмук» (Кабардино-Балкария), «Халифат» (Ингушетия) и др.

В Республике Дагестан в 2005 году было зарегистрировано 108 фактов посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов, из них 44 – с применением взрывных устройств. Аналогичные акции фиксировались в Чечне и Ингушетии, где группы боевиков захватывали населенные пункты, нападали на объекты республиканского значения, а 1 сентября 2004 года боевики так называемого «ингушского джамаата» совершили самое кровавое преступление в истории современной России, захватив школу в г.Беслане¹⁴. Все свидетельствовало об активизации исламских движений в странах Ближнего и Среднего Востока и на Северном Кавказе.

В этих условиях руководство Российской Федерации было вынуждено принять меры по созданию общегосударственной системы противодействия терроризму, которая представляет собой совокупность субъектов противодействия терроризму и нормативно-правовых актов, регулирующих их деятельность по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению и расследованию террористической деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявления терроризма.

Ключевое значение для этой деятельности имеет Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации», утвержденная Президентом Российской Федерации 05.10.2009, которые заложили право-

вые и концептуальные основы противодействия терроризму в нашей стране и ее регионах.

Остановимся более подробно на «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации» и ее основных положениях. В документе, прежде всего, отмечаются основные тенденции современного терроризма:

а) увеличение количества террористических актов и пострадавших от них лиц;

б) расширение географии терроризма, интернациональный характер террористических организаций, использование международными террористическими организациями этно-религиозного фактора;

в) усиление взаимного влияния различных внутренних и внешних социальных, политических, экономических и иных факторов на возникновение и распространение терроризма;

г) повышение уровня организованности террористической деятельности, создание крупных террористических формирований с развитой инфраструктурой;

д) усиление взаимосвязи терроризма и организованной преступности, в том числе транснациональной;

е) повышение уровня финансирования террористической деятельности и материально-технической оснащенности террористических организаций;

ж) стремление субъектов террористической деятельности завладеть оружием массового поражения;

з) попытки использования терроризма как инструмента вмешательства во внутренние дела государств;

и) разработка новых и совершенствование существующих форм и методов террористической деятельности, направленных на увеличение масштабов последствий террористических актов и количества пострадавших.

Опыт противодействия терроризму на Северном Кавказе подтверждает правомерность данных оценок. Как отметил

бывший глава МВД России Р.Нургалиев на состоявшейся в июне 2007 года конференции в г.Махачкале, за последние два с половиной года совершено почти 270 терактов, жертвами которых стали десятки сотрудников милиции и гражданских лиц. Террористическая активность бандподполья охватила все республики Северного Кавказа. Незаконные вооруженные формирования, объединяясь с организованными преступными группами, и фактически подменяя их, обложили данью не только предпринимателей и коммерсантов, но и ряд чиновников в своих республиках.

В последнее время на территории Ирака и Сирии в результате слияния ряда радикальных исламских группировок появилось террористическое движение «Исламское государство», совершающее массовые казни «иноверцев» с трансляцией в Интернет и уничтожение памятников культуры, переносящее террористическую активность в страны Европы, Азии и Африки, заявляющее о намерении приобрести ядерное оружие. В сентябре 2014 года группировка пригрозила России «освобождением» Чечни и Кавказа. Характерной особенностью первой половины 2015 года стало массовая присяга на верность ИГ со стороны главарей северокавказского бандподполья, а также ряда лидеров дагестанских салафитов.

Таким образом, на Северном Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке сложилась террористическая угроза не только для России, но и всего цивилизованного мира. В этой связи, несмотря на разногласия руководства Российской Федерации, США и Евросоюза по украинской проблематике, вопрос объединения усилий ведущих государств в борьбе с терроризмом является жизненно необходимым. Во многих странах ширится понимание, что противодействие терроризму должно строиться в рамках глобальной антитеррористической коалиции.

Важное значение для стабилизации обстановки на Северном Кавказе, локализации угроз терроризма и экстремизма является улучшение социально-экономического развития региона. До 40% молодежи в Дагестане и некоторых других республиках Северного Кавказа не имеет работы, и это зачастую является одним из факторов их ухода в ряды бандподполья.

Негативную роль в социальном климате северокавказского региона играет клановость, господство отдельных тейпов в тех или иных областях экономики и управления республик, что неизбежно вызывает социальную напряженность в обществе. Актуальными в этих республиках по-прежнему остаются вопросы этнического разделения собственности, «земельный вопрос» и растущая полиэтническая активность.

Внутренняя миграция на Юге России стала важнейшим фактором обострения межэтнических отношений. Дело заключается не столько в количестве переселенцев, сколько в их расселении, сосредоточении на определенной территории. На Северном Кавказе остаются нерешенными некоторые межнациональные конфликты, что необходимо учитывать при формировании системы профилактики терроризма в регионе.

По мнению Е.П.Ильина, создание системы противодействия идеологии терроризма в «Концепции» признается важнейшим направлением его профилактики, при этом одной из основополагающих задач является обеспечение скоординированной работы органов государственной власти с общественными и религиозными организациями (объединениями), другими институтами гражданского общества¹⁹.

В современных условиях следует активизировать исследование идеологической основы, на которую опирается северокавказское террористическое бандподполье. Речь идет о борьбе с той идеологией, которая лежит в основе мировоз-

зрения боевиков, определяет ментальную сущность и психологическую специфику непосредственных исполнителей террористических актов.

При этом следует помнить, что формирование террористического подполья в северокавказском регионе напрямую связано, во-первых, с деятельностью сепаратистских движений 90-х годов XX века, а во-вторых, с процессами религиозного возрождения, которые интенсифицировались в последние десятилетия. Соединение идей сепаратизма с радикальными формами ислама вывели северокавказских бандитов из узких национальных рамок, по словам Б.Льюиса, в «мейнстрим» глобального противостояния исламского мира и современной западной цивилизации».

Характерным показателем перехода к новой идеологической доктрине стало систематическое использование таких терминов, как «глобальный джихад», «кяфиры», «муртады» и т.д. Борьба с Россией уже воспринимается не как «национально-освободительная», а как «священная». Те, кто сегодня воюет сегодня в Чечне и других республиках Северного Кавказа, уже не говорят о борьбе за независимость Ичкерии: у них совершенно другие идеалы и другие задачи. Умаров перевел войну в религиозное противостояние, где с одной стороны находятся моджахеды, то есть борцы за веру, а с другой – «кяфиры» (неверные), оккупировавшие мусульманские республики Кавказа и их пособники – «муртады» (отступники) из числа местных национал-предателей, отмечает один из местных наблюдателей в Чечне.

В этих условиях требуется осуществление квалифицированных и исчерпывающих мер правового, организационного, оперативного, административного, режимного, военнотактического характера, направленных на обеспечение антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических посягательств.

Принятие решения о создании Национального антитеррористического комитета в 2006 году стало началом формирования принципиально новой модели противодействия терроризму, позволяющей оптимально распределить управленческие ресурсы, осуществить концентрацию усилий государственных и общественных организаций для решения задач предупреждения пресечения и ликвидации последствий террористических актов.

Современные джихадистские джамааты меняют свою тактику и стратегию. Они давно отошли от практики фронтальных сражений, взяв на вооружение террористическую тактику «пчелиного роя». Они способны быстро менять места дислокации, маневрировать и, в случае необходимости, объединяться с другими аналогичными группами. Между этими структурами и их базами налажена устойчивая связь: действия в случае необходимости согласовываются и координируются. Причем, и это особенно важно, вчерашние «партизаны» перебрались из горно-лесистой местности в города, привлекли в свои сети молодежь, в том числе учащихся школ и вузов, создали своеобразную «городскую гильдию».

Чтобы укрепить безопасность и усилить противодействие терроризму в 2010 году из Южного федерального округа был выделен Северо-Кавказский федеральный округ – как «округ концентрированных проблем». Это разделение при наличии некоторых негативных следствий имеет и позитивные. Во-первых, государство дало четкий сигнал всем военным и гражданским структурам, что Северный Кавказ должен быть предметом их первоочередной заботы, и оно ждет от них решительных мер по стабилизации ситуации. Во-вторых, создание нового округа и наделение полпреда в СКФО особым статусом и кругом полномочий призвано поднять общественно-политическую жизнь региона. В

2014 году было создано Министерство по делам Северного Кавказа, на которое возложено эффективное решение экономических проблем округа. Наконец, в целях усиления охраны кавказского участка государственной границы РФ было реформировано и «перенесено» в республики Северного Кавказа региональное пограничное управление. Все это позволяет усовершенствовать этнополитический менеджмент в регионе, повысить его безопасность и усилить противодействие терроризму.

Важнейшим направлением антитеррористической деятельности является усиление контроля за соблюдением административно-правовых режимов. Здесь решающую роль играет перекрытие всех каналов финансирования терроризма, а также оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, а также религиозной литературы. Только за последние пять лет правоохранительными органами уничтожено более 1,5 тысяч боевиков, ликвидировано 220 бандглаварей, предотвращено более 400 преступлений террористического характера, в том числе 42 крупных теракта, задержано более 2,5 тысяч бандитов и их пособников.

В последние годы среди актуальных проблем профилактики терроризма особое значение приобретает борьба с вербовкой террористическими организациями новых боевиков. Наибольшее освещение в средствах массовой информации в последнее время получила подобная деятельность так называемого «Исламского государства» (ИГ, ИГИЛ, ИГИШ, ДАИШ). По последним официальным данным, в ИГИЛ находится более полутора тысяч россиян. Бегство в начале лета 2015 года в Турцию и потом Сирию трех студенток из престижных московских университетов показало всю остроту этого вопроса. Общественный резонанс вызвало осуждение в декабре 2015 года членов «медицинского джамаата» - студентов Ставропольского государственного медицинского

университета, осуществивших вербовку и отправку в Сирию своих сокурсников.

Все большую активность вербовщики «Исламского государства» проявляют среди молодежи народов Северного Кавказа. Это, по мнению экспертов, является серьезным вызовом для безопасности России, в частности, из-за большой доли в нем выходцев с Кавказа (на конец 2014 года - 7-10% воюющих). Из Кизлярского района Дагестана, по данным на осень 2014 года, в Сирию уехали 15 молодых людей. В отдельных селях Дагестана наблюдается массовый «исход» в «Исламское государство»: по данным СМИ, с начала 2015 года 38 взрослых и их 4 детей покинули село Берикей Дербентского района Дагестана и вступили в ряды международной террористической организации.

В мае 2015 года в свободном доступе в сети Интернет появился первый выпуск журнала «Один ряд. Один флаг. Один лидер. Халифат. По пророческой методологии». Журнал издан на русском языке и имеет статус «официального издания» запрещенной в РФ террористической организации «Исламское государство». Содержит ряд статей, в которых содержатся многочисленные призывы к экстремистской и террористической деятельности, в том числе к физическому уничтожению лиц, не придерживающихся идеологии «Исламского государства». Появление первого выпуска Интернет-журнала на русском языке свидетельствует, на наш взгляд, об активизации устремлений «медиа-департамента «Исламского государства» - издательства «Furat Press» - именно к русскоязычным пользователям сети, проживающим на постсоветском пространстве. В условиях активизации военных действий в Сирии и Ираке идеологическое воздействие на русскоязычную молодежь очевидно будет возрастать.

В июне 2015 года информационно-аналитический портал On Kavkaz в статье «Имарат Кавказ уже стал частью

Халифата» приводит слова анонимного выпускника исламского университета имени Мухаммада ибн Сауда в Эр-Рияде, объяснившего британскому каналу ВВС причины столь стремительного оттока молодежи в ряды ИГ: «притеснения, уголовное преследование очень часто становятся последним аргументом на чаше весов в пользу ухода в ИГ». И далее: «они захватывают города, у них инфраструктура, они предоставляют переселяющимся жильё, работу. Что говорить о молодежи на Кавказе, где, фактически, не осталось уже, у кого они могли бы получить авторитетное мнение относительно дозволенности такой хиджры... Даже студенты саудовских университетов ... уезжают и присоединяются к ИГ», - заключает неназванный собеседник ВВС. С его слов, молодые люди захвачены мыслью о том, что начало реализовываться предсказание пророка Мухаммада о событиях Конца Света, которые начнутся именно с больших битв в Сирии. И что именно в Дамаске произойдет второе пришествие одного из пророков.

Обращает на себя внимание подчёркиваемая значимость доктринально-идеологического фактора в общей мотивации мусульман (в том числе северокавказских), присоединяющихся к «ИГ», что делает контрпропаганду в виде апелляции к сохранению собственной жизни, семейным ценностям, культуре, традициям, перспективам будущего и т.п. малоэффективной, так как на людей, настроившихся принять участие в битве «добра со злом», мирские ценности производят незначительное впечатление. Таким образом, включение в мероприятия по противодействию идеологии терроризма опровержения подобного рода мистико-эсхатологических элементов может до определенной степени повысить её эффективность.

В заключение отметим, что разработка и принятие «Концепции противодействия терроризму в РФ» 2009 года

стали важным этапом в формировании государственной системы противодействия терроризму. На Северном Кавказе немало делается как в военно-политическом, экономическом и межнациональном отношении для профилактики экстремизма и терроризма. Однако смена форм, методов и тактики действий бандподполья, активная деятельность международных террористических организаций и их идеологических подразделений, требует новых подходов к изучению и разъяснению идеологии радикального ислама, его эволюции и стратегии.

Литература

1. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии терроризму» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/4fdc493704d123d418c32ed33872ca5b3fb16936/- дата обращения 11.11.2015.

2. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление / Современный терроризм: состояние и перспективы. М. 2000. С. 5-10.

3. <https://m.fbi.gov/#https://www.fbi.gov/albuquerque/about-us/what-we-investigate>.

4. <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32002F0475>.

5. Организации запрещены в Российской Федерации и некоторых других странах.

6. Нечитайло Д.А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика. М. 2011.

7. Практикум по международному праву. Ставрополь, 1995. С.265-277.

8. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление / Современный терроризм: состояние и перспективы. М. 2000. С. 11-12.

9. Жаринов К.В. Терроризм и террористы: Ист. справочник / Под общ. ред. А.Е. Тараса. - Мн.: Харвест, 1999.

10. Путин В.В. Выступление на заседании клуба «Валдай» // [http:// путин.ru– an.info](http://путин.ru-an.info).

11. ВГТРК.1. Вечерние новости. 2015 г.10 ноября.

12. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 31.12.2014) // «Собрание законодательства РФ», 13.03.2006, N 11, ст. 1146.

13. Теория и практика межнациональных отношений на Северном Кавказе. / Сост. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Лавриненко Д.А. – Ставрополь: изд-во СГУ, 2011. С. 112.

14. Добаев И.П., Муклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев А.М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе. - Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. С.41.

15. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) / «Российская газета», N 198, 20.10.2009. С.1.

16. «Вести – Северный Кавказ», 2007, 6 июня.

17. Деятельность в Российской Федерации запрещена.

18. Экстремисты угрожают Чеченской Республике и Кавказу // MuslimPolitik. 4 сентября 2014 г.

19. Ильин Е.П. Актуальные проблемы противодействия вовлечения молодежи в террористическую деятельность // Материалы научно-практической конференции «Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодежной политики». М.: «Кредо». 2009. С.16.

20. Льюис Б. Ислам и Запад. - М.: ББИ. 2003.

21. Два года Имарату Кавказ: джихад охватывает Юг России // <http://Rostov.kavkaz-uzel.ru/articles/1603451>.

22. Добаев И.П., Муклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев А.М. Радикализация исламских движений в Центральной

Азии и на Северном Кавказе. - Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. С.110.

23. Авксентьев В.А., Васильченко В.А., Маслова Т.Ф., Лепилкина О.И. Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе. - Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН. 2014. С.14.

24. Материалы информационно-аналитического портала национального антитеррористического комитета (nac.gov.ru).

25. Диагноз – экстремизм // <http://www.rg.ru/2015/12/01/reg-ufo/verbovchiki.html>.

26. Исламское государство вербует не абы кого // http://www.kavpolit.com/articles/islamskoe_gosudarstvo_verbuet_ne_aby_kogo-17339/; Силовики подсчитали число воюющих за «Исламское государство» россиян // <http://lenta.ru/news/2015/06/17/igil/>. «Аргументы и факты» в Дагестане. 16 июня 2015 года // http://www.dag.aif.ru/incidents/bolee_40_zhiteley_sela_berikey_derbentskogo_rayona_uchali_v_siriyu.

27. Имарат Кавказ уже стал частью Халифата. 16.06.2015. // <http://www.onkavkaz.com/news/64-imar-at-kavkaz-uzhe-stal-chastyu-halifata.html>.

А.К. Боташева

Современные грани политического терроризма

Геополитическая карта планеты кардинально меняется после прекращения идеологического противостояния двух социальных систем и геополитика сегодня - это не столько борьба за обладание территорией, за расширение границ, сколько за влияние на глобальном пространстве, за возможность диктовать свои условия и добиваться своих целей, не обязательно связанных с территориальными захватами и переделами. В этом смысле синонимом геополитики является

понятие экспансии, понимаемой как распространение влияния, закрепление своего присутствия, участия в решении важнейших вопросов. Имеет значение выделение в структуре геополитики кроме науки (геометодологии) и практики (геопраксиологии) еще одного слоя – геоидеологии. Геоидеология – это, по существу, совокупность аргументов, призванных оправдать геополитическую экспансию.

Проблема терроризма неразрывно связана с геополитической конфигурацией современного общества, когда терроризм используется как инструмент и способ «перетягивания одеяла на себя», перекраивания геополитической карты мира в интересах техногенной цивилизации во главе с США, что позволяет говорить не только об эндогенном (черпающим легитимность в проблемах исламского мира и эксплуатирующего интерпретированные положения ислама), но и об экзогенном (внешнем) характере возникновения современного терроризма.

Можно сказать, что современный терроризм является управленческим и пусковым механизмом запланированных социально-политических потрясений в различных государствах и регионах посредством революций и гражданских войн, перехвата стратегических коммуникаций и устранения конкурентов, провоцирования этнической и религиозной розни, латентных войн и т.д.

Поддержка терроризма включает следующие формы деятельности:

- политика насилия и/или вмешательства во внутренние дела суверенных стран в форме этики гегемонизма;
- необъявленные, латентные войны;
- культурная экспансия;
- цветные революции и другие различные политтехнологии;
- открытые агрессивные действия, часто под предлогом борьбы с международным терроризмом;

- искусственное внедрение конфликта или межэтнического (межрелигиозного) столкновения;
- поддержка сепаратистов, террористических организаций в виде политической, финансовой и военной помощи;
- обеспечение возникновения гуманитарной катастрофы;
- принятие невыполнимых решений на сессии Совета Безопасности ООН и т.д.

Поле (области) воздействия подобной политики: информационное, экономическое, военное, правовое, идеологическое, экологическое и т.д.

В современных условиях практика поддержки терроризма по степени своего разрушительного воздействия должна относиться к числу особо опасных разновидностей государственной политики, поскольку потенциал тайного или явного вмешательства в суверенные дела других государств, благодаря достижениям техногенной цивилизации, практически неисчерпаем, располагает большим выбором средств открыто насильственного, или скрытой, тайной агрессии и устрашающего воздействия и способен спровоцировать тяжелейшие глобальные катаклизмы, в том числе связанные с ударами ответного международного терроризма.

Можно предположить, что вмешательство в суверенные дела Сирийского государства является для Вашингтона тактическим ходом, где используются все виды влияния, в том числе и поддержка «умеренной оппозиции» [5]. По-видимому, существуют планы поэтапного установления американского военно-политического контроля над всем регионом (с возможной сменой режимов в Сирии, Иране и, вполне возможно, Саудовской Аравии). Такой контроль мог бы на долгие годы обеспечить Америке не только положение безусловного гегемона на мировом рынке энергетического сырья, но и непререкаемое господство в центре Евразии, что рассматривается одной из школ американской

геостратегии (Макиндер) как решающее условие власти над всем миром [1: 52].

Геостратегическим задачам США служит и НАТО, роль которого резко возросла. При этом заметим, что членство в Североатлантическом альянсе носит дифференцированные идентификационные функции и служит «признаком» западной, «демократической» цивилизации. Несмотря на то, что борьба с международным терроризмом провозглашена странами-членами НАТО как общемировая задача, принципиальные решения Североатлантического альянса принимаются в конфиденциальной обстановке. При обсуждении глобальных проблем современности страны-члены НАТО сначала договариваются между собой, потом только выносят решение на открытое обсуждение. Несмотря на роль НАТО как военно-политической структуры, в ее действиях все четче обнаруживается желание выстроить границу между эксплицитными целями (борьба с агрессором или терроризмом) и имплицитными целями (защита участниками своих геополитических интересов).

Так, в частности, руководство НАТО осудило вторжение российского самолета в воздушное пространство Турции и потребовало от Москвы прекратить удары, в результате которых жертвами оказываются оппозиционные Башару Асаду силы и гражданское население Сирии. В НАТО заявили, что действия России в регионе достигли чрезвычайно опасного уровня. Эти заявления руководства альянса были сделаны по итогам состоявшегося в Брюсселе экстренного заседания по ситуации в Сирии [10].

Предвидя подобное развитие событий, в принятой в 2009 году «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» говорится, что «определяющим фактором в отношениях с Организацией Североатлантического договора останется неприемлемость для России планов про-

движения военной инфраструктуры альянса к ее границам и попытки придания ему глобальных функций, идущих вразрез с нормами международного права» [4].

В тоже время надо иметь в виду, что геополитическая экспансия Запада со сменой геоидеологий следует из логики развития Запада, ее цели направлены для процветания именно Запада, а не всего мира, и в дальнейшем Запад будет последовательно и целеустремленно отстаивать с трудом завоеванные позиции. Он будет отдаляться от остального мира, выгодно выделяясь на фоне развивающихся стран и все более увеличивая разрыв с ними и, соответственно, в первую очередь будет защищать свои интересы, при этом активно сотрудничая только в рамках «клуба избранных».

Дополнительно заставляет проводить США политику жесткого контроля стран Персидского залива, вынужденно контролируя жизненно важные нефтяные ресурсы то обстоятельство, что она сама нуждается в энергоресурсах на порядок выше, чем все остальные страны, (к концу XX века США сумели обеспечить своему населению более высокий уровень жизни: каждый американец сегодня потребляет за восьмерых жителей Земли [2:52]).

Таким образом, запасы ближневосточной нефти и стремление техногенной цивилизации во главе с США владеть «контрольным пакетом» этих запасов приводит к неравной борьбе Запада и Востока (Севера и Юга). Решающее значение имеет и то обстоятельство, что в большинстве нефтедобывающих стран Востока нефтяная промышленность национализирована: 90% мировых запасов нефти принадлежит государственным нефтяным компаниям (ГНК). Сегодня пять ближневосточных ГНК – Саудовская Saudi Aramco, Кувейтская Kuwait Petroleum Corporation, Иранская National Iranian Oil Company, Алжирская Sonatrach и Abu Dhabi National Oil Company из ОАЭ – производят четверть добываемой в мире

нефти и владеют половиной мировых запасов нефти и газа. Ситуация сложилась бы совершенно иначе и варианты дальнейшего развития были бы совершенно другими, если бы нефтяная промышленность была бы денационализирована и оказалась в частных руках. Также были бы представлены совершенно другие варианты столкновения цивилизаций, если бы стратегические запасы энергоносителей принадлежали странам индо-буддистского или китайско-конфуцианского направления.

Конфликтующие стороны и заинтересованные финансово-экономические наднациональные образования не гнушаются породниться с организованной преступностью, наркобизнесом, транснациональными преступными организациями, привлечением уголовных группировок в борьбе за сферы влияния. События в Сирии, Ираке, Ливане, Балканах и других зонах повышенного интереса глобальной геополитики – тому пример. Не приходится сомневаться, что подобный передел мира коснется и других регионов мира, а негласные инициаторы и спонсоры международного терроризма будут выступать в роли миротворческих сил, регулирующей силы, гаранта свободы и демократии, «верховного судьи».

При этом глобализация предоставила возможность объединиться транснациональной организованной преступности и криминальному терроризму с политическим, и совместно выступить в глобальных масштабах. Появление «глобализированного терроризма» означает проявление терроризма как политической оргпреступности в национальных и в международных масштабах, где у глобалистов и террористов цели однотипны – сверхдоходы и сверхвласть. Наглядным примером подобного симбиоза служит продажа нефти ИГИЛ: по данным газеты Financial Times, боевики ежедневно сбывают 35-40 тысяч баррелей нефти, зарабатывая в среднем полтора миллиона долларов. Большая часть топлива идет местным

потребителям, в том числе политическим противникам исламистов, которые в противном случае не смогли бы обеспечивать жизнедеятельность населения [7].

По данным Министерства финансов США, на экспорте «черного золота» ИГИЛ ежедневно зарабатывает до полутора миллионов долларов. Это - главный финансовый источник поддержки террористов. И основной канал продажи контрабандной нефти, как утверждают эксперты Al-Araby Al-Jadeed, Financial Times, Reuters, Die Presse и Global research, проходит через Турцию. При этом заявления о том, что Минобороны России показывает снимки караванов бензовозов не «Исламского государства», а Курдистана, соответствуют действительности. Контрабандную нефть просто переоформляют как курдскую, заявляют эксперты. Поэтому по документам по Турции уже едет вроде как легальная нефть из Курдистана. Такой «ход» позволяет не только «сохранять лицо» Анкаре, но и делать заявления Белому дому, что у него нет подтверждений о контрабанде нефти ИГ через Турцию.

Президент России Владимир Путин заявил, что Москва получила данные, подтверждающие, что нефть в промышленных масштабах продолжает поступать в Турцию с территории, подконтрольной террористам. «Мы получили дополнительные данные, подтверждающие, к сожалению, что из мест добычи нефти, которые контролируются ИГ и другими террористическими организациями, нефть в огромном количестве, в промышленном масштабе поступает на территорию Турции», — сказал глава государства [6].

Мы видим, что в условиях глобализации облегчаются условия внедрения террористов в любую экономическую нишу, при этом локальный и международный терроризм структурно схожи с ТНК и транснациональной преступностью, функционально служат комплексом средств достижения тех же целей.

В итоге на статус мирового руководства претендуют три субъекта. Первый - национально-государственный, где лидируют США. Второй субъект - транснациональный, в лице финансово-экономических наднациональных образований (ТНК), которое не имеет конкретной территориальной и национальной привязки. Довольно четко прослеживается роль ТНК в качестве средства для материального, технологического и идейного влияния на другие культуры, общества и государства, тем самым способствуя уничтожению индивидуальности национальных культур и исторических традиций, национального хозяйствования.

Третий субъект - ему определение в научной литературе еще не дано - это симбиоз новейшего финансового капитала ТНК как сверхмонополий и других наднациональных центров, имеющих сверхдоходы и сверхвласть, в том числе криминально, при посредстве «сотрудничества» с транснациональной преступностью, неофашизмом, исламизмом и международным терроризмом. Назовем данный симбиоз транснациональными преступными организациями (ТПО). Они являют собой одну из форм избирательного вмешательства в дела отдельных государств и регионов и их ежегодная прибыль составляет от 30 млрд. до 50 млрд. долл. Данная цифра явно занижена, так как деятельность преступных финансовых центров трудно проследить. Они, регулируя финансовые потоки и используя другие рычаги создают разным странам разные возможности. Например, ИГИЛ продавал в среднем 9000 баррелей нефти в сутки, по цене от 25 до 45 долларов США за баррель. Кроме того, исламская группировка ИГИЛ контролировала на севере Ирака 7 нефтяных месторождений, и 6 месторождений в восточной Сирии, что позволяло группировке зарабатывать по \$2 млн в день от поставок нефти. Есть мнение, что ИГИЛ сознательно демпинговал, тем самым вызывая падение цен на нефть [9].

Подобные тенденции развития глобализации дают основания утверждать, что современный терроризм превратился в основную угрозу как безопасности личности, так и демократическим основам мирового сообщества, в высокой степени опасный и долговременный фактор. Соответственно, он требует совместных усилий всего мирового сообщества для преодоления и профилактики.

Современный этап развития глобализации приблизился к бифуркационной точке, когда возможны различные варианты развития событий, порой весьма близкие к состоянию потери управляемости. Современный политический контекст стал представлять собой крайне сложную нелинейную систему, эволюционирующую вдали от состояния равновесия, где глобализация преступности и терроризма не просто сопровождают мировую экономическую интеграцию, но и являются ее прямым неизбежным следствием как реакция на глобальную деформацию мира.

Проявилась крайняя необходимость пересмотреть роль государства в экономике, подвергнуть гуманистической экспертизе и надежному демократическому контролю Международные экономические правила. Стало важным осознание лидерами глобализации мысли о том, что без интеллектуальной и духовной революции в странах-лидерах, без глубокого переворота в мировоззрении современных политических элит (что маловероятно, но не исключено), - в результате которых национальные проблемы должны и станут рассматриваться сквозь призму общих (региональных и планетарных), - вопрос снижения эскалации современного терроризма ставится под сомнение. Тому подтверждение – события на Балканах, в Афганистане, Алжире, Колумбии, Никарагуа, Сирии, Ливане, Иране, Ираке, Израиле, Палестине, Пакистане, Индии, России и ряде многих других регионов мира.

По мнению экспертов, «мусульманская умма в России давно прошла ту грань, когда можно было умалчивать про-

блему международного терроризма» [11], так как радикальные подпольные структуры, действующие на территории страны, нуждаются в покровительстве международных организаций, чтобы не быть уничтоженными окончательно. Нужна финансовая подпитка, кадровая, идеологическая. Усилившаяся борьба против бандформирований, успешные операции и наступление на идеологическом фронте, столь успешно реализуемое в течение последних лет, не оставляют шансов экстремистским и террористическим организациям на распространение своих преступных замыслов.

Можно согласиться с аналитиками, что «в этой связи, на руку международной террористической организации и раскрутка образа «ИГИЛ» со стороны федеральных СМИ, которые, сами того не ведая, идеализируют международный терроризм как «оплот борьбы с действующим политическим режимом» [11].

Особую опасность представляют и возвращающиеся с сирийской войны сторонники исламистов, завербованные из других стран, учитывая декларацию лидеров «ИГИЛ», опубликованную летом 2015 года, где было заявлено о планах на Россию, в частности, на Северный Кавказ и Поволжье. И не менее показательным примером распространения международного терроризма в самом лоне Российской Федерации является деятельность террористической группы «Нурджулар» на территории Ульяновской области во главе имамом центральной соборной мечети [11].

Таким образом, ряд исследователей обоснованно склоняется к мнению, что «ячейки» международных террористов уже существуют на территории Российской Федерации, что актуализирует проблему борьбы с терроризмом, борьбу с вербовочными технологиями, направленными против российской молодежи, противодействие распространяемой идеологии.

В заключение приведем слова А.Е. Снесарева (генерала, начальника Академии Генштаба России, известного русско-го геополитика-востоковеда), который еще в 1927 г. писал, что в борьбе с терроризмом необходима интеграция усилий всех научных дисциплин по принципу научной геополитики, что только указанными методами обычная (пассивно-реактивная) политика борьбы с терроризмом превращается в метастратегию (высшую стратегию, свободно оперирующую за временными рамками настоящего), аккумулирующую в себе историю и нацеленную в будущее геополитику [3:47].

Действительно, антитеррористическая политика (да и не только) должна опираться на геополитический синтез наук, что позволит ей быть целостной превентивной стратегией оздоровления социальной, экономической, политической и нравственной ситуации в обществе и государстве, учитывающей геополитические интересы государств.

Литература

1. Добаев И.П. Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность. Ростов-на-Дону. 2004. С. 26.

2. Валова В.Д. Основы экологии. М., 2002. С. 52.

3. Зотов О.В. Глобализация и международный терроризм // Терроризм – угроза человечеству в XXI веке. М.: Институт востоковедения РАН. Изд-во «Крафт», 2003. С. 47.

4. Российская газета. 2009. 19 мая №88.

5. Британский МИД заявил, что не знает о целях РФ в Сирии / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/politics/world/britanskiy_mid_zayavil_chno_ne_znaet_o_selyah_rf_v_sirii (дата обращения 16 декабря 2015 года)

6. Владимир Путин: Турция сбита Су-24, чтобы обеспечить безопасность поставок нефти ИГ/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://russian.rt.com/article/133809> (дата обращения 12 декабря 2015 года)

7. Ислам, Ближний Восток и война в Сирии: ключевые понятия / [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.bbc.com/russian/international/2015/10/151021_islam_syria_glossary (дата обращения 12 декабря 2015 года)

8. ИГИЛ: бренд, приносящий огромную прибыль / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://islam-today.ru/islam_v_mire/bliznij-vostok/igil-brend-prinosasij-ogromnuu-pribyul/ (дата обращения 15 декабря 2015 года)

9. Кокорева А. Альпари: Обзор рынка нефти - Террористы из ИГИЛ демпингуют нефтью / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://mfd.ru/comments/view/?id=126839> (дата обращения 16 декабря 2015 года)

10. НАТО призывает Россию прекратить удары по оппозиции в Сирии / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/news/2015/10/151005_nato_russia_syria (дата обращения: 05.11.2015)

11. Неверов А. Международный терроризм «оккупирует» Россию? / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.lawinrussia.ru/node/373288> (дата обращения: 05.10.2015)

А.А. Анিকেев, С.В. Пинягин

«Великое переселение народов – 2» и будущее Европы

Европа переживает самый крупный кризис с беженцами со времён Второй мировой войны. Причиной массовой миграции из Северной Африки и Ближнего Востока стала «арабская весна» 2011 года, которая проходила при активном участии США и некоторых других стран Западной

Европы. «Арабская весна» началась с госпереворота в Тунисе, затем охватила Ливию, Египет и др. Наиболее кровопролитные события происходили в Ливии, где были разгромлены государственные органы власти, нарушен вековой уклад жизни людей, которые остались без средств к существованию.

Эти события происходили после того, как США вторглись в Ирак, ввели войска в Афганистан и дестабилизировали Ближний Восток, создав зону управляемого хаоса от Магриба до Киргизии, чтобы дуга нестабильности клинком вошла в подбрюшье России и Китая. Госперевороты в Тунисе, Йемене и Египте, а также массовые волнения в Алжире, Марокко, Иордании и Сирии превратили Северную Африку и Ближний Восток в зону нестабильности и разрухи. Эти страны фактически потеряли не только суверенитет, но и основы существования целых народов. И первые беженцы потянулись в Европу. Как говорил западным партнёрам уничтоженный М. Кадаффи: «... люди из НАТО! Вы бомбите стену, не пропускавшую поток африканской миграции в Европу, стену, останавливавшую террористов «Аль-Каиды». Этой стеной была Ливия. Вы разрушаете её. Вы – идиоты. За тысячи мигрантов из Африки, за поддержку «Аль-Каиды» гореть вам в аду. И так оно будет.»

Страны НАТО, руководимые США, разворошили пчелиный улей, лишили условий мирной жизни миллионы людей стран Северной Африки и Ближнего Востока. Беженцы начали спасаться от ужасов войны, разгула банд террористов ДАИШ («ад-дауля аль-исламийя филь Ирак уа аш-Шам», ранее ИГИЛ) и других движений радикального ислама. Террористы разрушили вековые памятники арабской культуры в г. Пальмира, уничтожают лиц других религий, ранее цветущие оазисы превращают в пустыни. ДАИШ превратилось в абсолютную империю зла.

Президент России В. В. Путин на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН сказал: «Всем нам не стоит забывать опыт прошлого. Мы, например, помним и примеры из истории Советского Союза. Экспорт социальных экспериментов, попытки подстегнуть перемены в тех или иных странах, исходя из своих идеологических установок, часто приводили к трагическим последствиям, приводили не к прогрессу, а к деградации. Однако, похоже, никто не учится на чужих ошибках, а только повторяет их. И экспорт теперь уже так называемых «демократических» революций продолжается».

Достаточно посмотреть на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке... Конечно, политические, социальные проблемы в этом регионе назревали давно, и люди там, конечно, хотели перемен. Но что получилось на деле? Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты, да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса – насилие, нищета, социальная катастрофа, а права человека, включая и право на жизнь, ни во что не ставятся. Так и хочется спросить тех, кто создал такую ситуацию: «Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?».

Наиболее драматические события развернулись в Сирии, значительная часть которой была оккупирована террористическими организациями: ДАИШ, насчитывающей до 100 тысяч человек, Джабхат ан-Нусра, детище Аль-Каиды, коалиция Джейш аль-Фатх, которую поддерживают арабские соседи, а также Джейш-аль-Мухаджирин валь-Ансар, состоящая преимущественно из граждан стран бывшего СССР и Турции.

За 4 года войны, развязанной под эгидой США противниками президента Башара Асада, в Сирии погибли более 230 тысяч человек. Многие города и деревни превратились в руины. Джихадистские группировки создали в Дамаске, Хомсе, Дайр-эз-Зауре, Пальмире и других городах много-

ярусные глубокоэшелонированные укрепленные опорные базы, превратив их в непреступные крепости.

Попытки США и других стран созданной коалиции с помощью авиационных ударов бороться с террористами ожидаемых результатов не дала, так как Америка, Саудовская Аравия и другие противники Б. Асада проводили двойственную политику. Борясь с ДАИШ, они одновременно снабжали оружием, боеприпасами, продовольствием так называемую свободную сирийскую армию, враждебно настроенную законному правительству Сирии. В итоге более 80 % территории страны оказались в зоне боевых действия, откуда мирное население устремилось в соседние страны: Иорданию, Турцию а также Европу. Жители многих районов Сирии бросили обжитые места и устремились на Запад.

Авторы согласны с президентом России В. В. Путиным, который осенью 2015 г. на форуме «Валдай» обратил внимание, что «США страдают мессианизмом, обманывают Россию, третируют европейских союзников и совсем уж ни во что не ставят волю народов стран третьего мира. Например, сирийского народа и его представителя Башара Асада».

В этих условиях Россия по просьбе президента Сирии Б. Асада в конце сентября 2015 года разместила на авиабазе «Хмеймим» (г. Латакия) авиационную эскадрилью Воздушно-космических сил РФ, которые начали наносить точечные удары по штабам, узлам связи, складам оружия, лагерям подготовки, пунктам материально-технического обеспечения и другим объектам террористов. В состав авиагруппы входят свыше 50 самолетов и вертолетов, включая Су-24М, Су-30СМ, Су-25 и Су-34.

Цель российского правительства: при содействии других арабских стран – освободить Сирию от террористов и присутствия бандформирований.

Кандидат в президенты США Д. Трамп отмечает: «Вы можете получить доказательства, взглянув на Ливию и вспомнив Муаммара Каддафи. Что мы сделали там – это хаос. Взгляните на Саддама Хусейна и Ирак, посмотрите, что мы наделали там, это хаос. С Сирией будет то же самое, если мы свергнем Асада, так же, как свергли Каддафи и Хусейна. Мне нравится, что Путин в пух и прах бомбит «Исламское государство» (ИГ). Путин должен избавиться от ИГ, потому что не хочет, чтобы ИГ добралось до России».

В 2014 – 2015 году началось массовое переселение беженцев в Европу из стран Северной Африки и Ближнего Востока. То, что начиналось как тоненький ручеёк иммиграции, превратилось в мощную людскую волну. К двум прежним маршрутам – через Гибралтар в Испанию и Средиземным морем до итальянского острова Лампедуза – прибавился новый балканский маршрут. Сначала из турецкого Измира до греческих островов, потом Афины, Македония, Сербия, Венгрия, а дальше поток разбивается на две части: Австрия и Германия или Словакия и Чехия. Даже Англия вдруг обнаружила, что островное положение не спасает её от нашествия. Тоннель под Ла-Маншем ежедневно штурмуют озлобленные беженцы. А в Германии властям пришлось прибегнуть к помощи армии, которая предоставила иммигрантам охрану от разъярённых местных жителей.

Что же касается малых европейских стран, то здесь ситуация сложилась ещё более драматично. Так, например, в конце августа 2015 г. в Македонии была объявлена чрезвычайная ситуация. Полный хаос на греко-македонской границе. Полиция заблокировала все переходы и устанавливает колючую проволоку. Беженцы пошли на штурм. Полицейским пришлось применить слезоточивый газ и призвать на помощь армию. Беженцы ложатся на рельсы, из-за чего прервано железнодорожное сообщение между Грецией и Македонией. На нейтральной полосе скопились тысячи людей.

В Сербии правительство говорит о гуманитарном кризисе. Беженцев уже около 80 тысяч, а мест в иммиграционных центрах хватает лишь на пару тысяч. Сами беженцы вовсе не хотят оставаться в Сербии, но ужесточение на венгерской границе ставит их в безвыходную ситуацию. Скончался первый серб, подхвативший лихорадку Западного Нила.

На границе Хорватии и Словении (Шенгенская зона) расположены густые леса, а дальше начинается богатая Австрия, и границы между ними нет. В самой Хорватии нашлось немало неолибералов, которые призывают сограждан открыть свои сердца и двери ближневосточным иммигрантам. Неолиберальная газета «Jutarnji list» предложила места, где можно разместить беженцев в прекрасной Хорватии: в пустых военных казармах, в Далмации, Карловце, Пуле, Вараждине и даже в заброшенном дворце Эстерхази.

С января по июль 2015 г. только по балканскому маршруту прошло более 100 тысяч человек. Социологи предсказывают, что к концу года их будет уже более 350 тысяч. Плачущие женщины, грязные дети в обносках, мужчины с каменными лицами, злые от собственной беспомощности, они были рады бутылке воды, куску хлеба, небольшой денежной помощи. Журналист Д. Асламова так описывает быт беженцев: «Парк в Белграде, рядом с автовокзалом. Мужчины, моющиеся в фонтанах, целые семьи, спящие на траве».

Министр иностранных дел Греции Н. Коциас в начале ноября 2015 г. сообщил, что из лагерей в Иордании и Ливане в сторону Евросоюза вышла гигантская волна беженцев численностью в 300 тыс. человек. Эксперты предположили, что эта масса движется группами по несколько тысяч в каждой. Источники газеты «Взгляд» в лагерях сирийских беженцев подтвердили, что все потоки мигрантов негласно регулируются властями Турции.

Президент Института религии и политики Александр

Игнатенко согласен с главой МИД Греции: «Эти потоки беженцев, по моей оценке, – регулируемый процесс. Они движутся по чьим-то командам. Один из игроков, отдающих команды, – это Турция. По моим предположениям, это также такие государства, как Катар и Саудовская Аравия, хотя сами лагеря беженцев и расположены за их пределами – в Ливане и Иордании... Разумеется, нельзя себе представить, что идет колонна в 300 тысяч человек. Они могут выдвигаться по несколько тысяч».

Многие наблюдатели сделали вывод, что среди беженцев не только выходцы из Афганистана, Ирака, Сирии, где идут боевые действия, но и группы вполне прилично одетых, обеспеченных молодых людей, обвешенных модными гаджетами. Кто финансирует эти группы переселенцев? Есть мнение, что это «спящие» боевики ДАИШ, которые в общем потоке стремятся проникнуть в европейские страны для дальнейшей террористической деятельности.

Российский учёный Владимир Шалак провёл интернет-расследование на предмет того, кто приглашает беженцев из стран Африки и Азии в Европу. Он проанализировал 19000 твитов, в которых с восхищением говорится о гостеприимстве и гуманизме немцев. 5704 твита заканчивались лозунгом «Welcome, refugees!» (Добро пожаловать, беженцы!). Чаще всего приглашают в Германию – 76,8 %, Австрию – 12,4 %, Англию – всего лишь 4,6 %. Конечно, в Германии жизнь обеспеченная, высокие пособия для мигрантов, но есть и другие богатые страны в Европе: Англия, Франция, Швеция, Норвегия... На вопрос «откуда посланы приглашения?», автор получил весьма любопытные данные. Наибольшее число приглашений в интернете размещены из Англии (19,2 %) и США (17,0 %). Что касается самой Германии, то из неё поступило лишь 6,4 % приглашений от общего количества.

Очевидно, что «Великое переселение народов – 2» – это не только последствие внешнеполитических авантюр НАТО на Севере Африки и Ближнем Востоке, но и результат подрывной работы спецслужб в интернете. Видимо неслучайно в декабре 2014 г. состоялась встреча президента США Б. Обамы и премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона, после которой было объявлено об усилении информационной войны против России и других стран Европы.

Совет Европы, оправившись от шока, вначале принял решение разместить беженцев согласно квоте. Однако против этого решительно выступили страны Прибалтики и некоторые другие. После этого предполагалось основную часть «экономических» мигрантов (т. е. лиц, сменивших страну проживания не из-за войны, а по экономическим причинам) – выбросить в Восточную Европу: Венгрию, Словакию, Чехию, Польшу, Болгарию, Румынию. Наконец, в октябре 2015 г. принято решение оставить в Европе 150 тысяч беженцев, а более 300 тысяч «экономических» мигрантов депортировать на родину.

В ноябре 2015 г. Еврокомиссия для ослабления потока беженцев приняла решение в ближайшие годы выделить Турции 3 млрд. евро и странам Северной Африки 2 млрд. евро на борьбу с миграционным кризисом.

Однако, депортация мигрантов во многие страны: Сирию, Ирак, Афганистан, Йемен и некоторые другие невозможна, т. к. в них продолжается борьба с террористическими организациями, в которой решающую роль играет Россия.

Нашествие мусульманских мигрантов в Европу ведёт к серьёзным социальным, экономическим и культурным издержкам. Экономические последствия «Великого переселения народов — 2» состоит в том, что подавляющее большинство беженцев не собираются работать, изучать язык страны пребывания, усваивать социокультурные традиции европей-

ских народов. Например, в Германии имеется 1 миллион рабочих вакансий. Однако, вновь прибывшие мигранты решительно не желают посещать курсы по изучению немецкого языка, трудоустроиваться и соблюдать немецкие традиции. Более того, раздаются требования уже сейчас начать строительство в Германии 200 мечетей.

Социально-политические последствия массовой миграции в Европу состоят в том, что суверенитет европейских стран подрывается, местные народы теряют свою национальную идентичность...

Во Франции появился роман «Подчинение» известного писателя М. Уэльбека, в котором автор предсказывает, что в 2022 году президентские выборы во Франции выиграет кандидат от мусульманской партии. Но сатира автора направлена не на исламский мир, а на современное европейское общество, которое «утратило остроту восприятия и способность к решительным действиям».

Военно-политические последствия сводятся к тому, что часть мигрантов являются прямыми посланниками террористических организаций, другая часть – станет лёгкой добычей для их вербовки и не исключено, что в скором будущем европейские страны станут ареной для насилия и новых войн...

Писательница Елена Чудинова указывает на процессы дехристианизации, которые наблюдаются во многих странах. В своей пророческой книге «Мечеть Парижской Богоматери» она рассказывает, что многие христианские храмы во Франции, Испании и некоторых других странах сдаются под магазины, выставочные залы, ночные клубы. Ликвидируются монастыри, продаётся их утварь. Началось сбываться пророчество преподобного Серафима Вырицкого: «Многие страны ополчатся на Россию, но она выстоит, утратив большую часть своих земель. Это война, о которой пове-

ствуется Священное Писание и пророки, станет причиной объединения человечества. Люди поймут, что невозможно жить так дальше, иначе всё живое погибнет, и выберут единое правительство — это будет преддверие воцарения антихриста. Потом наступит гонение на христиан, когда будут уходить эшелоны в Россию из городов, надо спешить попасть в число первых, так как многие из тех, кто останутся, погибнут».

Германский профессор Гуннар Хайнзон ещё в 2003 году в своей книге «Сыновья и Мировое Господство. Террор при росте и падении Наций» предупредил, что перспективы Старого Света печальны. К середине века Европу погребёт волна беженцев с Востока. Профессор оперирует цифрами: Старый Свет к середине XXI века переварит максимум 250 миллионов экономических мигрантов, но судя по опросам института Гэллопа, к 2050 году 950 миллионов человек из Африки и не-африканских арабских государств захотят обосноваться в Европе. Вчетверо больше! Такого наплыва она не перенесёт. К середине века население Африки увеличится вдвое: с нынешних 1,2 миллиарда человек — до 2,4 миллиарда. Уже к 2040 году по прогнозам демографов половина населения Земли в возрасте до 25 лет будет состоять из африканцев. Старый Свет без единого выстрела сдастся этой гигантской армии.

Чтобы приостановить бурный поток беженцев, нужно срочно снять с государственного бюджета тяжкое бремя всеобщего благоденствия мигрантов на пособиях. Как считает Г. Хайнзон, надо «принять закон, согласно которому дети, рожденные после оговоренной даты, должны быть на содержании не у государства, а у своих родителей. Это будет революция. Но такой революционный путь в Европе даже не обсуждается».

В ноябре 2015 г. на Кипре состоялась встреча руководителей ЕС и стран Ближнего Востока и Северной Африки, на которой было принято решение выделить Турции 3 милли-

арда евро для обустройства беженцев на своей территории, а также странам Северной Африки – 2 миллиарда евро, для экономического развития.

По официальным данным Комиссара ООН по делам беженцев и мигрантов, в конце 2015 года число иммигрантов с Ближнего Востока и Северной Африки достигло 1 миллиона человек. Согласно данным спецслужб Европейского Союза, среди них насчитывается до 40 тысяч сторонников ИГИЛ.

Таким образом, колониальная политика прошлого и гегемонистские амбиции некоторых современных государств подорвали основу существования целых стран и народов. Люди стран Северной Африки и Ближнего востока, лишённые самых элементарных условий жизни, устремились в другие регионы, в частности в Европу, чтобы уйти от ужасов войны и бедствия.

Европа столкнулась с серьёзными трудностями переселения целых народов, их обустройства и обеспечения.

Литература

1. Комсомольская правда. № 38. 17-24 сентября. 2015 г.
2. С арабского «ад-дауля аль-исламийя филь Ирак уа аш-Шам» - «Исламское государство Ирака и Шама». Шам - арабское название Леванта, территории, объединяющей Сирию, Ливан и Палестину. Прежнее название в русскоязычных СМИ - ИГИЛ.
3. Вайс М. ИГИЛ: армия террора. – Лондон: Альпина Нон-Фикшн, 2014.
4. 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН / В. В. Путин // Президент России. — 28 сентября 2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 25.10.2015)
5. Журенков К. Жаркая осень. Новая фаза сирийского конфликта // Огонёк. № 39 (5399). 05 октября 2015.

6. ВГТРК. 1 канал. Вести. 16.09.2015.
7. Путин на «Валдае»... / Ю. Вендик // Би-би-си, Сочи. — 3 ноября 2015. URL: <https://news.mail.ru/politics/23729026/> (дата обращения: 03.11.2015)
8. Интервью кандидата в президенты США Д. Трампа американскому телеканалу NBC. 5 октября 2015 г.
9. Комсомольская правда. 26 августа 2015 г.
10. Там же.
11. «Выдвинулись около 300 тысяч беженцев» // Деловая газета «Взгляд». 31 октября 2015 г.
12. Там же.
13. Нам повезло жить в эпоху перемен! / В. Шалак // Русская Сила. URL: <http://rusila.su/2015/09/04/vladimir-shalak-nam-povezlo-zhit-v-epohu-peremen/> (дата обращения: 03.11.2015)
14. Турция сможет заработать на беженцах / Ю. Богданов, М. Балтачева // Деловая газета «Взгляд». URL: <http://vz.ru/world/2015/11/13/777888.html> (дата обращения: 13.11.2015)
15. Houellebecq M. Soumission. – Paris: Flammarion, 2015. – 320 p.
16. Чудинова Е. Мечеть Парижской Богородицы. – М.: Яуза, Эксмо, Лепта-Пресс, 2005.
17. Цит. по: Комсомольская правда. Россия. – 15 сентября 2015 г.
18. Хайнзон Г. Сыновья и мировое господство: роль террора в подъеме и падении нации. – Берлин, 2003.
19. Хайнзон Г. Сыновья и мировое господство: роль террора в подъеме и падении нации. – Берлин, 2003.
20. Там же.

Эскалация террористической деятельности в регионе в конце XX – начале XXI веков

На протяжении последних двух десятилетий Северный Кавказ выступает как наиболее конфликтный и сложный регион в стране с точки зрения социально-экономической ситуации, осуществления государственного управления, а также обеспечения национальной безопасности России. Для этой территории характерны нестабильность и наличие множества конфликтных факторов в исторических традициях, сильное влияние геополитических тенденций, полиэтничность и многоконфессиональность.

В числе важнейших внутри российских криминогенных факторов и факторов развития нестабильности в регионе является образование фактического эксклава на территории Чечни. Здесь после разгона сторонниками Джохара Дудаева при явном попустительстве кремлевской администрации законных органов власти Чечни на территории самопровозглашенной «Республики Ичкерии» было прекращено действие российских законов и права, а все население республики было де-факто отдано в заложники «новой власти» криминально-экстремистского толка.

События в Чечне в августе-ноябре 1991 г. кардинальным образом изменили перестроечные представления о свободе, демократии, законности, праве на самоопределение и применение силы, государственной целостности и ее защите. Чеченский кризис разрушил «коммунистическо-антикоммунистический» дискурс, в рамках которого единственными угрозами свободе, демократии, либеральным ценностям рассматривалось коммунистическое государство, а шире говоря государство как таковое.

Конфликты на Северном Кавказе начали приобретать характер тотальный и почти иррациональный. Сейчас их можно сравнить с метастазами рака в большом организме: почти невозможно предугадать, где, когда и на какой почве разразится следующий кризис. Своеобразным эпицентром стала Чечня. В первый «мирный период» территория Чечни стала землей обетованной для уголовников и экстремистов, принадлежащих к разным этническим общностям и подданных различных государств. По оценкам МВД РФ на территории «мятежной республики» нашли убежище более 1200 рецидивистов. «В вооруженные формирования «Ичкерии» было завербовано более 6 тысяч наемников из стран СНГ и дальнего зарубежья».

С начала 90-х годов в северокавказском регионе обостряется террористическая активность, выразившаяся в захвате автобусов с выдвижением требований различного характера. Ниже представлена хроника террористических актов начала последнего десятилетия XX века. Захват автобуса с 18 пассажирами в 1992 году в Минеральных Водах. 26 мая 1994 года был захвачен рейсовый автобус Владикавказ-Ставрополь, в котором находилось 33 пассажира. 28 июня 1994 года трое террористов захватили рейсовый автобус с 40 пассажирами. 28 июля 1994 года взяты в заложники 41 пассажир рейсового автобуса, следовавшего по маршруту Пятигорск - Ставрополь – Красновардейск. Эти акты были названы «автобусной войной».

При совершении террористической акции существует разрыв между непосредственной жертвой насилия и группой, являющейся объектом воздействия, целью насилия. В террористической акции, как правило, жертвами преступления становятся совершенно случайные люди. Важен эффект воздействия данной акции на власти, от которых зависит принятие того или иного решения, а также на определенные

слои населения, которые своей реакцией могут способствовать принятию нужного террористам решения.

Первым терактом, «проиллюстрировавшим» дефиницию такового, стал «буденновский рейд» Шамиля Басаева 14 июня 1995 года. Это была атака чеченских террористов на город Будённовск (Ставропольский край) с последующим захватом больницы и заложников 14-19 июня 1995 г.

Группа террористов численностью 195 человек, возглавляемая Шамилем Басаевым, ворвавшись в город, захватила более 1600 заложников из числа жителей города.

В ходе неудачного штурма ведущих спецподразделений РФ и переговоров российские власти согласились дать террористам возможность беспрепятственно уйти, если они отпустят захваченных заложников. Террористическая группа Басаева вернулась в Чечню. В результате теракта погибли 129 человек, 415 ранены.

Мотив оправдания чеченского экстремизма присутствовал в научных исследованиях западных авторов. Любые действия чеченских сепаратистов рассматривались как ответ на жестокую «колониальную политику» Москвы. Шамиль Басаев был «амнистирован» общественным мнением за то, что в его действиях увидели мотив мести за гибель одиннадцати родственников. А сам рейд – ответ на бомбежки Грозного, Самашек и других населенных пунктов республики.

Но, давая пояснения перед телекамерой, Ш. Басаев замолчал факты своего участия в 1991–1994 гг. в захвате пассажирского самолета в Минводах, участия в грузино-абхазской войне, в захвате заложников пассажирского автобуса в Кабарде. Резкий всплеск криминальной напряженности произошел до 1994 года: убийства и похищения людей, угон скота, техники и пр. По своей сути эти акции очень напоминали набеги XIX в.

На территории соседних с Чечнёй Дагестана и Ингушетии периодически с определенной систематичностью совершаются вылазки, в ходе которых захватываются заложники: милиционеры и гражданские лица. Теракты приобретают всё более отчётливо выраженный политический характер: на территорию России забрасываются мелкие группы диверсантов, производящих взрывы. С 1997 по 2003 годы Ставрополье становится объектом особого внимания террористов. Города Невинномысск, Пятигорск, Ессентуки, Буденновск и Предгорный район стали центрами трагических событий в регионе.

Но Ставропольский край не был единственной административной территорией широкой эскалации терроризма. Разрушающие, губительные теракты стали реальностью и для Северной Осетии. Прогремевшие взрывы в период с марта 1999 года по август 2003 года унесли многие жизни.

Одним из самых мощных стал захват СОШ № 1 г.Беслана Республики Северная Осетия-Алания 1 сентября 2004 года во время проведения праздничной линейки по поводу «Дня знаний». Террористами были взяты в заложники практически все находившиеся на праздничной линейке люди. Всего в результате террористического акта в заложники было взято 1127 человек, погибли 331 человек, из них 318 заложников. Ранения различной степени тяжести получили 783 человека, из них 728 заложников и жителей Беслана, а также 55 сотрудников ЦСН, МВД и военнослужащих. В качестве потерпевших признано 1343 человека. Ущерб, причиненный в результате теракта школе и близлежащим зданиям, составил более 20 млн.рублей. Размер же морального и материального ущерба, причиненного в целом, и в первую очередь людям, вряд ли поддается подсчету.

В 90-х годах XIX века в мятежной республике произошло «второе издание рабовладельчества». Количество рабов в не-

зависимой Ичкерии не смогли точно определить. По данным депутата Госдумы РФ от Чечни Асламбека Аслаханова число рабов в «мятежной республике» равняется 70 тыс. человек. Обозреватель Общественного Российского телевидения (ОРТ) Александр Любимов в одной из ТВ - передач отметил, что в его поименную картотеку занесено более 3800 освобожденных рабов. О масштабах рабства в Чечне, по мнению А.Е.Криштопы, позволяет судить такая деталь: «множество жилищ, построенных или оборудованных... в мирные 1996-1999 г.г. имеют в подвальном пространстве специальные помещения для содержания рабов. Между тем, социально-экономическая «эффективность» рабства была продемонстрирована как раз в «мирные годы». В 1996–1999 гг. руками рабов возводилась стратегически важная для мятежной республики дорога в Грузию.

По мнению некоторых аналитиков и представителей спецслужб уже после «буденовского» рейда «диверсионного отряда» Ш.Басаева в июне 1995 года Россия столкнулась с массовым появлением «чеченского» терроризма. Впервые термин «чеченский терроризм» прозвучал на Координационном совещании руководителей правоохранительных органов России 7 августа 1996 г. Он представляет собой именно такую подвиговую категорию современного терроризма, которая обладает рядом отличительных характеристик, касающихся как особенностей его субъекта, так и организационных и тактико-стратегических особенностей. Специфика того или иного вида терроризма определяется содержанием вдохновляющей его идейно-политической доктрины, целями, тактикой, а также особенностями его субъекта, как на лично-персонифицированном уровне исполнителей, так и на более высоком социально-обобщающем уровне. В этой связи, учитывая наличие подобной специфичности и мотивированности террористических актов 1995-1996, и 1999-2005

годов, некоторые из аналитиков и представители спецслужб представляют выделение подвидовой категории «чеченского» терроризма в настоящее время достаточно обоснованным.

Появившись в период дезинтеграции СССР в 1991-1994 «чеченский» терроризм носил уголовный характер: банды, состоящие из чеченцев полностью или включающие жителей Чечни, предприняли несколько захватов заложников на Северном Кавказе. Нападениям подвергались пассажирские автобусы и самолёты. Операции не сопровождались выдвижением политических требований, бандиты требовали валюту, оружие, наркотики. В 1994-1996 гг. при сохранении уголовного терроризма типа 1991-1994гг., появляются новые явления: массовые похищения людей с целью выкупа (похищение нескольких десятков строителей в Грозном и т.п.), террор в виде крупномасштабных воинских операций (Будённовск, лето 1995г., Кизляр - Первомайское, декабрь 1995г., Беслан – сентябрь, 2004г.).

С чеченским терроризмом тесно связан и сепаратизм. В современном мире крупнейшие очаги сепаратизма имеют региональную специфику, которая сходна у географически близких конфликтов. Это сходство определяется следующими критериями: географической близостью; этнокультурной общностью; единым цивилизационным фундаментом (христианским, исламским, буддистско-индуистским и др.); сходством особенностей исторического развития; сходством факторов развития сепаратизма; уровнем политической стабильности; интенсивностью конфликтов.

По утверждению аналитиков сепаратизм Чечни относится к восточноевропейской разновидности. Такого характера сепаратизм охватывает бывшие социалистические страны Восточной и Центральной Европы – Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Республика Сербская в Боснии, албанцы в Косове и Македонии, Трансильвания и др. Эта модель от-

личается от западноевропейской недавней актуализацией основных очагов сепаратизма (конец 80-х годов) и стремлением сепаратистских движений к полной независимости, а не к автономии. В Восточной Европе существует ряд непризнанных государств, которые имеют регулярные вооруженные формирования, конституции, органы исполнительной и судебной власти (Абхазия, Приднестровская Молдавская Республика, Республика Сербская в Боснии). Для восточноевропейских очагов сепаратизма характерна повышенная активность, которая приводит к значительным жертвам особенно на Северном Кавказе и Югославии.

«Классический» сепаратизм в Чечне, в общем, давно ушел в прошлое. В ходе первой чеченской войны сепаратистские и националистические лозунги действительно были главным инструментом мобилизации противостоящей федеральному центру стороны. Целью войны дудаевцы ставили создание независимого и светского – что надо подчеркнуть особо – государства.

Вторжение боевиков Шамиля Басаева в Дагестан летом 1999 года задало принципиально иные «правила игры», если так можно выразиться применительно к данному случаю. Конфликт в сущности утратил этническую локализацию. Сопротивление федеральному центру оказывалось уже не под националистическими, а под исламистскими лозунгами. И если раньше у сепаратистов ислам выступал в качестве одного из элементов национальной идентичности чеченцев, то сейчас, наоборот, сепаратизм стал составным (и подчиненным) элементом исламистской идеологии.

Но главным идейным и политическим полем, на котором ныне действуют лидеры террористов, является поле исламистское. Их обращение к иным «идеологическим пространствам» всегда носит инструментальный, функциональный характер.

Идеология радикального исламизма стала тем стержнем, на который «нанизываются» многие другие северокавказские конфликты — экономические, политические, идеологические. В ее «силовом поле» они внутренне организуются и многократно усиливаются, в последующем распространяясь по всему региону.

Тенденцией последнего десятилетия является «расползание» политизированного ислама за пределы его традиционного бытования. Радикальный исламизм пустил прочные корни в Дагестане и Чечне еще в начале 1990-х годов. В какой-то мере это можно объяснить тем обстоятельством, что эти республики всегда были наиболее исламизированными на Северном Кавказе и традиции политических движений под зеленым знаменем имеют там давнюю историю. Распространение аналогичной идеологии среди карачаевцев, черкесов, балкарцев, кабардинцев, ингушей представляет собой принципиально новое явление. Степень исламизации этих народов традиционно была ниже, и ислам здесь никогда не оказывал существенного влияния на политику.

Особенность Северного Кавказа заключается в том, что здесь представлена только одна из вариаций исламизма, самая радикальная, которая практически полностью сводится к идее джихада против «неверных» и лишена даже намека на рациональную политическую программу.

Анализ событий убеждает в том, что террористические акции в регионе проводятся, в основном, в провокационных целях — вынудить власти к ответным мерам, с последующим обвинением в недемократичности; а также как детонатор для дестабилизации обстановки, позволяющий способствовать росту недовольства. Подтверждением тому является отсутствие продуманных политических требований, которые, как правило, выдвигают террористы. Убежденность в корректности этого вывода подкрепляет то обстоятельство, что боль-

шинство из свершенных терактов не сопровождалось объявлением о принятии на себя ответственности и последующим выдвижением требований политического характера.

Так как в результате происшедших событий нравственно-этическое поле северокавказского общества оказалось разбалансированным, стало возможным сближение политического и криминального терроризма. Эта тенденция обусловлена тем, что прежнее бережное отношение к адатам ослаблено на протяжении многих десятилетий и не сформировано безоговорочное восприятие новых, европейских по своему содержанию.

Ситуация на рубеже веков подтвердила, что Северный Кавказ являет некую специфику: это регион с укорененной традиционалистской культурой (в широком смысле слова). Кавказские социумы никогда не знали и не придерживались в ежедневной социально-политической и социокультурной практике принципов европейской и американской демократии. Правовая регуляция у народов Кавказа прежде осуществлялась на основе исторически сложившихся систем (антилиберальных по своей сути) - адатов, кровнородственной «дипломатии».

Сползание к кризису этнической идентичности неизбежно повлекло за собой и всплеск насилия, стало причиной усиления террористической активности в регионе. Проведенный анализ позволяет выделить следующие этапы эскалации терроризма на Северном Кавказе. Первый этап приходится на 1988 – 1994 гг. Он начался с того, что руководство сепаратистского режима Чечни всюду поощряло набеги террористических групп на территорию сопредельных субъектов Российской Федерации. Это прежде всего захват пассажирских автобусов и самолётов, а в последние годы этого этапа

в 1993-1994 годы - массовые похищения людей с целью выкупа.

Начальная дата второго этапа – 1995–2002 обусловлена тем, что террор проявил себя в виде крупномасштабных военных операций (Буденновск). Терроризм на территории региона вновь обрел преимущественно криминальный характер, а такая форма как взятие в заложники с целью денежного выкупа стала основным промыслом бандформирований и приняло массовый характер. Этот период характеризует «растущая ваххабизация чеченского сопротивления». На территорию Чечни активно проникали идеи исламского религиозного экстремизма вместе с арабскими и афганскими исламистами, деньгами и оружием из ближневосточных стран. Апогеем этого этапа становится 1999 год, когда произошло вторжение боевиков Басаева и Хоттаба на территорию Дагестана с целью создания исламского государства. Ещё одной формой террористической деятельности в регионе в этот период стал террор самоубийц-шахидов. Шахидизм как форма террористической активности перестал быть локальным явлением, поскольку приобрел глобальный масштаб, акции шахидов распространились во многих странах, в том числе, и на Северном Кавказе.

Начало следующего современного этапа приходится на 2002 год и продолжается поныне. Этот этап подтвердил сращивание терроризма на Северном Кавказе с международным. На этом этапе предпринималось несколько попыток эскалации широкомасштабной войны в регионе под знаменем ваххабизма.

По данным Национального Антитеррористического Комитета в 2015 г. на Северном Кавказе действовало 36 бандформирования (джамаатов) они присегнули на верность ИГИЛ, представители которого заявляют, что «Кавказ наш».

Одновременно сообщается, что 20 главарей бандформирования уничтожены.

Сегодня, потеряв возможность активного вооружённого сопротивления, террористическое северокавказское подполье вынуждено, получая финансирование из-за рубежа, проводить редкие, но крайне жестокие террористические атаки, в основном, против мирного населения. Дальнейшая эволюция террористических структур в регионе, во многом, зависит от того, сумеет ли Российское государство лишить террористов социальной базы и добиться доминирования на Северном Кавказе российских правовых и политических императивов.

Литература

1. Абубакаров Т. Между авторитарностью и анархией (Политические дилеммы президента Дудаева) // Чечня и Россия: общество и государство. М., Полиформ-Талбури, 1999. – С. 115.

2. Терроризм в современной России // Политические конфликты: от насилия к согласию. М., 1996, сс. 153-168.

3. Аналитические материалы 1991-1998. Текущего архива Комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества.

4. Аналитические материалы 1991-1998. Текущего архива Комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества.

5. Аналитические материалы 1991-1998. Текущего архива Комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества.

6. Терроризм в современной России // Политические конфликты: от насилия к согласию. М., 1996, сс. 153-168.

7. Доклад депутатской комиссии по рассмотрению и выяснению обстоятельств, связанных с трагическими событиями

ми в г. Беслане 1-3 сентября 2004 года, созданной на заседании Парламента Республики Северная Осетия-Алания //10 сентября 2004 года. Владикавказ, 2004 – С. 13.

8. Криштопа А.Е. Заметки на полях кризиса //Защита будущего. Кавказ в поисках мира. М., 2000. С. 186

9.См: Хлобустов О.М. Госбезопасность от Александра I до Путина: 200 лет тайной войны. М., 2005, сс. 440 – 452.

10. Аналитические материалы 1991-1998. Текущего архива Комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества.

11. Маркедонов С.В. Чечня: угроза системного сепаратизма. М., 2004. – С.93.

12. Заурбекова Г.В. Переворот генерала Д. Дудаева и начало сепаратизма в Чеченской республике глазами очевидца //Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 151-162.

13. Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. Ростов-на-Дону, 2005. С. 125.

14. Добаев И.П., Немчина В.И. Указ. соч.

15. ВГТРК. Россия 1, Вечерние новости, 15.12.2015.

О.Н Гундарь, Е.С. Гундарь

Пути преодоления идеологии современного экстремизма на Северном Кавказе

В современном научном дискурсе новое звучание получила дискуссия о методах борьбы с идеологией экстремизма и терроризма. Возросшее влияние экстремизма на современные международные отношения, позволяют предположить, что наряду с глобальными проблемами, экстремизм, терро-

ризм продолжают нести угрозу человечеству. Последние события в Сирии показали, что появилась необходимость всестороннего подхода к данному вопросу, а именно: военного, дипломатического, политического, психологического и персонифицированного. Эти разнообразные подходы указывают на новые пути борьбы с экстремизмом. Ближний Восток давно превратился в источник дестабилизации импульсов, воздействующих на мировую систему в целом, но и в России идеология экстремизма является питательной средой для терроризма, подтверждение чему служат россияне, уехавшие в Сирию и пополнившие ряды международной террористической организации, запрещенной в России.

Современной международной системой выработаны два направления борьбы с терроризмом, которые применяют государства. Вплоть до 2000-х гг. в мире господствовала стратегия антитерроризма, то есть идеология защиты от терроризма. Но, начиная с 2000-х годов, государствами все чаще начинает применяться стратегия контртерроризма (активных наступательных действий в отношении террористов). Например, «контртеррористическая стратегия ЕС» 2005 года включает в себя четыре цели по борьбе с терроризмом:

1. Предотвращение подразумевает под собой борьбу с радикализацией социально-политических настроений молодежи, населения и вербовкой экстремистами новых сторонников.

2. Защита означает повышение защищенности потенциальных объектов атак террористов.

3. Преследование экстремистов и террористов несмотря на границы и борьба с их финансированием.

4. Ликвидация последствий террористических актов (1).

Россия, имеющая обширный опыт борьбы с экстремизмом и международным терроризмом сформировала законодательную базу по предупреждению подобного рода угроз.

Так, ФЗ-112 «О противодействии экстремистской деятельности» был утвержден и введен в действие в 2002г. В дальнейшем появились изменения в закон в 2006г, в 2007г., в 2011г., в 2012г., в 2014г. Несомненно, именно законодательная база является основным механизмом борьбы с экстремизмом. Но, обострившиеся вызовы безопасности требуют более тщательного анализа, общественного обсуждения, парламентской экспертизы правоприменительной практики. Парламентарии РФ требуют ужесточить наказание за терроризм, вплоть до международного трибунала (2). В контексте борьбы с экстремизмом и терроризмом необходимо усилить информационно-пропагандистскую деятельность, которая сегодня стала прерогатива не только западных стран, но экстремистских организаций. По мнению спикера Совета Федерации В. Матвиенко, обращающиеся в верхнюю палату эксперты и простые граждане предлагают конкретные меры по борьбе с терроризмом. Предлагается расширение полномочий спецслужб и правоохранительных органов, усиление уголовной ответственности не только за терроризм, но и за его финансирование, за распространение идеологии. Эти меры должны быть взвешенными, не ограничивать конституционные права граждан. Немаловажное значение сегодня приобретает качественное образование, религиозное просвещение, поскольку идеологию террора необходимо искоренять с помощью кропотливой духовной работы, отделить ислам от экстремистской идеологии. По мнению митрополита Иллариона, для профилактики терроризма нужно создать также коалицию светских и религиозных лидеров, чтобы убедить молодежь от влияния преступной идеологии. История со студенткой В. Карауловой должна послужить серьезным предупреждающим сигналом. Все чаще звучит тезис об усилении роли мирового сообщества в регулировании и управлении Интернетом в целях предотвращения распространения

идеологии экстремизма. Экстремизм и терроризм сегодня – это, бесспорно, формы насилия, рассчитанные на массовое восприятие, на большой общественный резонанс, на устрашение населения, правительства. Тезис о необходимости активизации работы органов власти и институциональных структур гражданского сообщества по борьбе с идеологией экстремизма получил новое смысловое наполнение после всплеска экстремизма 1990-х гг. в РФ и атаки террористов 2001 г. в США и приобрел особенную остроту в настоящий момент. После террористических атак в 2015г. на российский самолет, жителей Парижа, нападения в лондонском метро, подрыва в Йемене губернатора провинции Аден, терактов в шиитской мечети г. Дакка в Бангладеш, на рынке Лулу-Фу на острове оз.Чад и др. главы государств мира вырабатывают новые подходы противодействия экстремизму, подписывают различные конвенции. Но терроризм в ответ на активные меры противодействия приспосабливается, вербует новых последователей, находит новые пути финансирования.

Как справедливо отмечает Гетц Р.Н. «всеобщая мировая глобализация, развитие информационного общества, появление новых сетевых технологий и совершенствование инновационного потенциала производственной сферы предопределяют использование экстремистами и террористами новых усложненных и изощренных методов и средств в своей деятельности» (3).

К перечисленным аспектам, необходимо указать и другие, влияющие на активизацию идеологии экстремизма: мировая политика «двойных стандартов»; геополитическая «инженерия»; девальвация нравственных ценностей по отношению к «другим», в том числе представителям массовой миграции, беженцам; владение продвинутыми медiateхнологиями преступными группами; актуализация исторических политико-правовых коллизий; «идеологический

вакуум»); столкновение интересов; эколого-климатические, демографические, социально-экономические факторы. Очевидно, что и противодействовать идеологии экстремизма необходимо пропорционально возросшей угрозе, симметрично используемым технологическим, психологическим, экономическим, информационным ресурсам.

Вместе с указанными аспектами, считаем, что преодоление идеологии современного экстремизма невозможно без использования современных ресурсов политической власти, без мониторинга радикальных настроений молодежи, граждан региона.

Рассмотрим современные ресурсы политической власти. Трансформация властных отношений в современной мировой политике актуализировала инновационные ресурсы политической власти, в политической терминологии, характеризующие государственную деятельность, как - «soft power» (мягкая сила) и «hard power» (жесткая сила), применяющие: политику стимулирования или жесткого контроля, либо их чередование. Сегодня не только в межгосударственных отношениях, но и в борьбе с экстремизмом востребована качественно иная политика, «smart power» (умная сила), что на русский язык можно перевести как «разумная власть» или «умная мощь». По индексу жёсткой силы Россия занимает одно из первых мест в мире, но ресурсная база мягкой силы России сегодня значительно уступает ресурсам soft power многих государств. Председатель правительства РФ Д.Медведев, выступая на совещании руководителей представительств Россотрудничества за рубежом в 2012г., сославшись на исследование, проведенное в Сколково, заявил, что «Россия находится на 10-м месте по индексу мягкой силы».

Различные дипломатические, экономические, военные, политические, правовые и культурные инструменты в каждой ситуации определяют разумную необходимость использова-

ния ресурсов политической власти в борьбе с экстремизмом. Исследование Русаковой О.Ф. технологий применения США элементов «smart power» показало тесную взаимосвязь между жесткой силой и мягкой властью в борьбе с экстремизмом: «Реализация на практике нового концепта началось с новой стратегии по Афганистану и Пакистану. Военное присутствие США было дополнено присутствием гражданских специалистов. В плане развития стратегии «smart power» в 2009 г. в структуре Госдепартамента был создан Центр предотвращения и разрешения конфликтов. Центр разработал план по созданию «мобильных команд развития» для оказания помощи развивающимся странам. В 2012 г. в бюджете США были увеличены ассигнования как на жесткую силу (военный бюджет), так и на мягкую власть (расходы на содержание Госдепа, на Инициативу в области невоенной стабилизации (Civilian Stabilization Initiative). К стратегии «smart power» можно также отнести инициативы Обамы в области развития публичной дипломатии («Американские дома» в мусульманских странах) и расширение сети подразделений радиостанции «Голос Америки»» (4).

В работе Дж. Ная «Чего Китай и Россия не понимают в «мягкой силе» опубликованной в журнале «Foreign Policy», утверждается, что у России, находящейся в состоянии упадка, есть только остатки «мягкой силы», которые «помогают ей смягчить удар от падения» (5). Конечно, у России как страны, возродившейся после системного кризиса, упадка, не хватает пропорционального соотношения тех ресурсов, что имеются у нее в распоряжении, тем вызовам, что возникли перед ней. Тем не менее, в соответствии с теми условиями, которые сложились вокруг нее сегодня, Россия выбрала, единственно возможную для себя стратегию «умной мощи»: во-первых, использование «жесткой силы» против экстремистов и террористов; во-вторых, демонстрация потенциаль-

ных возможностей применения «жесткой силы»; в – третьих параллельно с использованием и демонстрацией «жесткой силы» определение точек роста «мягкой силы» и последовательное их развитие.

По мнению Рустамовой Л.Р., с чьим мнением мы согласимся «одним из показателей роста «мягкой силы» страны считается рост спортивных достижений и участие в международных конкурсах различного характера. В последние годы Россия выиграла право проводить у себя крупнейшие международные состязания: 2013 год - Всемирная летняя универсиада, 2014 - Зимние олимпийские и параолимпийские игры в Сочи, 2016 - ЧМ по хоккею, 2018 - ЧМ по футболу. Заняв первое место в общем медальном зачете в олимпийских играх в Сочи, Россия впервые со времен Советского Союза снова заявила о себе как о выдающейся спортивной державе. Олимпиада в Сочи дала почувствовать гражданам гордость за то, что они живут именно в этой стране, и что они могут побеждать» (6).

Еще одной доминирующей составляющей российской модели «умной мощи» как представляется, является феномен «умной силы» политической фигуры президента РФ В.В. Путина. В.В. Путин, обладающий качеством политической «воли», осуществляет разъяснение не только гражданам своей страны, но и всему миру, что, несмотря на санкции, столкновение интересов, «закат эпохи нераспространения ядерного оружия» необходимо объединить усилия в борьбе с международным экстремизмом и терроризмом и своим личным примером возглавляет эту борьбу. Именно выступления российского лидера на юбилейной ассамблее ООН, на саммите G-20, на международном дискуссионном форуме «Валдай» о недопущении распространения международного терроризма на территорию России положили начало реальным «жестким действиям» против экстремизма и терроризма на Ближнем Востоке.

Несомненно, подтверждением эффективности российской модели использования политических ресурсов можно назвать принятие ОБСЕ декларации по противодействию терроризму, которая была инициирована Российской Федерацией, а американский журнал «Foreign Policy» включил нынешнего президента России в рейтинг «Глобальные мыслители 2015г.». президент РФ В.В. Путин вошел в категорию «людей, принимающих решения» (decision makers). По мнению издания, президент РФ заслужил это звание, проводя воздушную операцию в Сирии, направленную на борьбу с терроризмом.

Однако только лишь политико-административными методами предотвращение идеологии экстремизма невозможно. Ученые Северо-Кавказского федерального университета осуществляют мониторинг радикальных настроений молодежи региона. Конечно, студенческая среда - это интеллектуальная, наиболее организованная и институционально сплоченная группа молодых людей. От старших поколений ее отличает в том числе резко выраженное критическое отношение к окружающей действительности, юношеский максимализм, установка на быстрые, коренные изменения существующих социальных отношений.

Проведенное исследование «Модели демонстрирования гражданственности студенчества Юга России» осуществлено в июле-августе 2015 г. среди актива молодежи Юга России молодежного форума «Машук-2015». Всего опрошено 728 человек. В качестве основы для сравнительного анализа в анкете был сформулирован вопрос о самооценке молодыми людьми своей моделях гражданского поведения: «Оцените, какая модель социально-политической активности наиболее всего отражает Ваш тип гражданского поведения». По результатам проведенного опроса большинство респондентов (57,6 %) оценили свой тип гражданского поведения как ак-

тивный, 10,2 % – как ангажируемый, 20,7% – как абсентеистский, 11,5% участников опроса затруднился в определении своей модели гражданственности.

Исследование определяло уровень информированности, источников информации, характера и уровня интереса к политической сфере. Исследование основных источников получения политической информации молодежью Юга России подтвердило доминирующую роль современных электронных форм коммуникации в жизни студенческой молодежи (Таблица 1).

Таблица 1. Основные источники информации молодежи по общественно-политической ситуации в мире и России

Источники	Доля респондентов, %
ТВ	55,2
Интернет-сайты	34,0
Социальные сети	31,1
Пресса	25,1
Блоги	10,8
Общение с друзьями, родственниками	9,6
Социально-гуманитарные дисциплины в вузе	4,3
Зарубежные информационные ресурсы	5,3
Радио	9,9
Агитаторы	1,9
Встречи с кандидатами	1,4
Листовки и др.	1,0

Активная студенческая молодежь одновременно использует множество каналов для получения политической инфор-

мации. В такой ситуации само желание конкретного молодого человека получать тематическую информацию, персональный интерес к политическим становится доминирующим. Радикальные настроения способны молниеносно захватить интернет-аудиторию. С помощью интернета в разных регионах мира, и России, в том числе, возможно информирование, обращение к массовой, причем в большей массе молодежной аудиторией, для вовлечения; планирования действий, придание радикальными организациями широкой гласности своей ответственности за совершение противоправных актов, распространение панических настроений, формирование образа врага. В РФ закон ФЗ-114 «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 21.07.2014) ставит барьер на пути влияния радикализма и тем более экстремизма на российскую молодежь через СМИ и Интернет.

Интернет-пространство, породившее информационное общество ставит новые задачи перед правоохранительными органами по предотвращению внедрения экстремистских идей среди молодежи. И здесь очень важно найти баланс между «предупреждением» и «запретом». Признавая уязвимость российского сегмента Интернета (Минкомсвязи подтвердили это проведенными учениями) Россия не намерена ограничивать доступ в сеть, контролировать Интернет, ограничивать законные интересы и возможности людей, заявил президент РФ В.В. Путин (6).

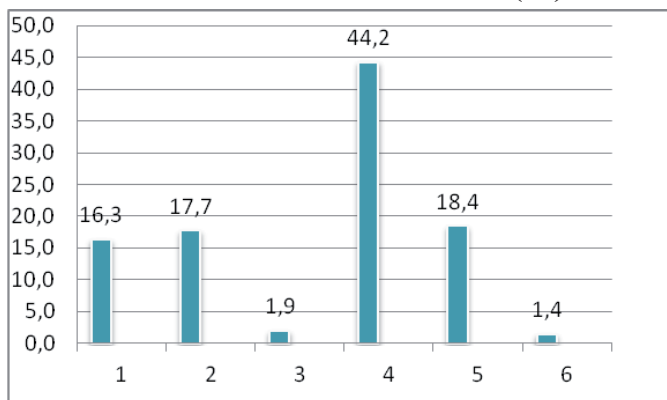
Ожидается увеличение количества и технологическое совершенствование содержание рисков и угроз. Данное предположение подтверждается словами секретаря Совета безопасности РФ Н. Патрушева: «Количество компьютерных атак, если мы посмотрим статистику с 2010 г, постоянно возрастает. С 2010 г. это более 90 млн. выявленных и отраженных атак»; было зафиксировано более 57 млн. в период Олимпиады в Сочи, присоединения Крыма и во время со-

бытий на Донбассе. Активно действуют зарубежные спецслужбы. Мы также фиксируем деятельность экстремистских и террористических групп и преступных образований» (7).

В целом молодежь Северного Кавказа продемонстрировала позитивный набор ценностных ориентаций. Отвечая на вопрос: «Что для Вас сегодня наиболее значимо в жизни?», молодежь Юга России в числе приоритетных ценностей назвали «здоровье», «крепкую семью», «интересную работу», «материальный достаток», «возможность реализовать свои таланты и способности», «карьера», «преданные друзья» и «качественный досуг».

Интересно, что при этом в доминирующей степени основой для поведения выступают нормы морали (44,2 %). В меньшей степени молодежь выбрала ответы – законы РФ (18,4%), обычаи и традиции моего народа (17,7%), религиозные нормы (16,3%). (Рисунок 1).

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие нормы, прежде всего, являются основой Вашего поведения?» (%)

1 - религиозные нормы, 2- обычаи и традиции моего народа, 3- обычаи и нравы своего круга (группы, компании), 4- нормы морали 5-законы РФ, 6-другое

Исследователи предложили также респондентам выразить свое отношение к проблемам страны в различных сферах. Анализ показал, что в центре внимания молодежи стоят конкретные проблемы экономического плана - «коррупция и бюрократия» (47,9 %), «инфляция» (45,9 %), «безработица» (33,2 %), а также «алкоголизм, наркомания» (38,6 %), «терроризм» (29,4 %), «ситуация в сфере здравоохранения» (27,9 %), «состояние морали и нравственности» (27,8 %), «ситуация в сфере образования» (26,1 %) и «преступность» (21,4 %). В наименьшей степени молодежь обеспокоена этноконфессиональными отношениями (6,6 %), экстремизмом и неонацизмом (7,1 %), влиянием олигархов на политическую жизнь страны (7,5 %), демократией и состоянием прав человека в стране (7,8 %). (8)

Данные, полученные в исследовании коррелируют с результатами полученными учеными института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН в исследовании социально-политических настроений молодежи Юга России в 2014 г. (9). Готовность принять участие в протестных акциях указал каждый шестой респондент (18,5 %). Кроме общей готовности участвовать в протестных акциях выявлена степень радикализма настроений молодежи: по мере ужесточения форм протеста, снижается число потенциальных участников. Так, в 2014 г. респонденты выразили готовность принять участие в мирных акциях протеста, санкционированных властями (22,9%), протестах «без разрешения» 18,7% , протестовать с оружием в руках (6,4%).

Исследователи определили понимание гражданственности студенчеством Юга России. На открытый вопрос «Назовите принципы поведения, которые, по Вашему мнению, включает в себя понятие «быть гражданином» респонденты предложили следующие принципы: «активная

гражданская позиция», «заинтересованность в развитии общества», «любить свою Родину, землю, помогать людям, проживающим на ее территории», «не только следовать законам и правилам, но и знать свои права», «быть патриотом», «развивать свою Родину», «быть достойным гражданином своей страны», «быть полезным обществу», «в любую минуту встать на защиту своей Родины, если существует угроза, своим телом», «вести себя в соответствии с законами данной страны», «высокая моральная нравственность», «иметь активную гражданскую позицию, участвовать в выборах, не стоять в стороне, когда видишь несправедливость». Таким образом, можно предположить, что артикуляция гражданской позиции, мотивация, основанная на «правильности» убеждений повышает вероятность «антимодели» демонстрации гражданственности.

Литература

1. The European Union Counter-Terrorism Strategy [Электронный ресурс]. Summaries of EU legislation. URL:http://europa.eu/legislation_summaries/justice_freedom_security/fight_against_terrorism/133275_en.htm (дата обращения 16.11.2015).

2. Террористов казнить! // Комсомольская правда. [Электронный ресурс]. <http://www.kp.ru/> (дата обращения 16.12.2015г.)

3. Гетц Р.Н. Современные технологии противодействия политическому экстремизму в Российской Федерации.: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 – Санкт-Петербург, 2012.- 161 с.

4. Русакова О.Ф. « Умная сила» (« Smart Power») как государственная стратегия // Политический вектор-PRO. Комплексные проблемы современной политики. 2013 г. С.87-97.

5. Joseph Nye. What China and Russia don't get about soft

power // Foreign Policy. 2013. 29 April [Электронный ресурс]. <http://www.foreignpolicy.com> (дата обращения: 03.12.2015).

5. Рустамова Л.Р. «Умная сила» России набирает обороты // Право и управление. XXI век. 2013.- С.53-58.

6. Стенограмма заседания Совета безопасности РФ // www.kremlin.ru. Дата обращения: 05.11.2015.

7. Там же.

8. Паслер О.В. Идентификационные модели гражданственности студенческой молодежи Северного Кавказа // Теория и практика общественного развития. 2015. – С. 35-40.

9. Авксентьев В.А., Лукичев П.Н., Тарасова Т.Т., Суций С.Я., Шульга М.М. Социально-политические настроения молодежи Юга России: риски радикализации // Вестник Южного научного центра. Том 10, № 1, 2014. С. 90-98.

А.А. Лялин, Ю.Б. Акалелов

Вопросы религиозного экстремизма в Ставропольском крае

Актуальность исследования идеологии религиозного экстремизма, продиктована ее деструктивным влиянием на процесс религиозно-духовного возрождения, который сопровождается строительством культовых зданий, издания духовной литературы и развитием различных форм душепопечительства, а как результат, органически вплетаясь в данный процесс, влечет за собой деформацию сознания верующих по средствам формирования принципа исключительности, избранности. Подобного рода мировоззрение, определяет соответствующую модель поведения, которая влечет за собой требования исключительных прав и положения в обществе, унижение представителей иноконфессиональных групп, соз-

давая очаги напряженности, негативно влияя на духовную атмосферу в современной России. Лица с подвижной и контролируемой психикой, попадая под влияние идеологов радикальных религиозных идей, становятся прекрасным материалом для диверсионной и террористической деятельности. Именно по этому, данная тема, являясь объектом изучения, обсуждения и анализа в последние годы, весьма оживленно и разносторонне рассматривается органами государственной власти, при содействии представителей научного сообщества.

Затрагивая вопрос практической значимости данной статьи, следует отметить, что она позволяет с одной стороны выработать методы профилактики влиянию тех религиозных организаций, деятельность которых нами рассматривается в данной статье, с учетом имеющейся практики на территории Российской Федерации. С другой стороны, не смотря на то, что данной теме посвящено уже не поддающееся учету количество академических, миссионерских и контрпропагандистских публикаций, мы все же постарались сконцентрировать внимание на наиболее проблемных участках деятельности в Ставропольском крае общества «Сторожевой Башни», то есть Свидетелей Иеговы (далее С.И.), а так же влиянию исламского фундаментализма. Это на наш взгляд позволит более детально ознакомиться представителям власти, занимающимся реализацией вероисповедательной политики, с теми положениями, которые носят откровенно спекулятивный характер, и используются лицами, занимающихся лоббированием интересов руководителей интересующих нас религиозных движений под видом правозащитной деятельности.

Здесь же следует отметить, что еще одним из проблемных участков в области религиозного экстремизма, является неоязыческое движение на Ставрополье. Но, учитывая

слабую базу данных о данном явлении, как то история, культурная практика, вероучение и религиозная идеология имеющая политический подтекст, а так же организация, с учетом разделения на два основных течения, родноверие и инглизм (культ Перуна), в данной работе озвученный вопрос не будет рассмотрен. На данный момент идет активно работа по сбору и систематизации информации связанной с неоязыческим движением в Ставропольском крае, что в итоге, позволит предоставить информационный блок по данной проблеме. Еще одним из проблемных участков, так же является сатанизм и демономания, чья деятельность не носит столь открытого и масштабного характера, как подавляющее большинство деструктивных культов. Но периодический всплеск активности деятельности различных групп практикующих поклонение темным силам влекут за собой такие ужасные элементы культовой практики как кровавые жертвоприношения, включая человеческие, о чем свидетельствуют уголовные дела прошлых лет в Ставропольском крае. Как отметил доктор медицинских наук Кондратьев Ф.В., судебный эксперт в Центра социальной и судебной психиатрии института им. В. П. Сербского, сатанизм, программируя на насилие, влечет за собой «потерю связей с миром добра и любви», стирая нравственные границы в сознании адепта, по средствам идеологической установки «делай что хочешь» [1.]. К тому же, по имеющейся информации, представители данного откровенно античеловечного религиозного движения, активно вырабатывают методы вовлечения адептов, а так же ведут работу по консолидации всего спектра поклонников темным силам на территории Российской Федерации. Данная проблема так же требует отдельной исследовательской работы с учетом региональной специфики, а как результат, обсуждения на различных площадках, и соответствующего освящения, с целью выработки методов противодействия и профилактики. Но все

же мы считаем необходимым, обратить внимание на один из наиболее действенных методов профилактики сатанизма, со стороны общества, это получение информации и своевременного уведомления работников правоохранительных органов, о местах, так называемых неформальных «молодежных тусовках» имеющих свою специфику в рамках субкультуры. Последователи сатанизма, для своих обрядов, как правило, собираются на мало посещаемых территориях, как например подвалы, чердаки, заброшенные дома, лесопарковые зоны и т. д. Если имеется информация о периодическом посещении подобного рода мест, где присутствует графическое изображение сатанинской и оккультной символики, как то перевернутая пентаграмма (пятиконечная звезда), Бафомет (голова козла или существо с телом человека и головой козла), перевернутый крест и т. д., так же свидетельство употребления алкоголя или наркотиков, необходимо сообщить местному участковому. Ни при каких обстоятельствах не пытаться вступить в контакт с целью провести душевспасительную беседу. Желаемый результат, не достигнет успеха, а последствия могут носить плачевный характер.

Свидетели Иеговы. Наиболее крупные общины в Ставро-польском крае общества Свидетелей Иеговы находятся в городах Ставрополе и Невинномыске, а так же в с. Незлобное, Георгиевского района. На сегодняшний день, деятельность данной религиозной организации запрещена в ряде субъектов Р.Ф. Озабоченность деятельности С.И., вызывает не только у правоохранительных органов, так как в рамках миссионерской, деятельности распространяется литература общества «Сторожевой башни», внесенной в список экстремистских материалов, но так же и государственных служащих занимающихся реализацией вероисповедательной политики и ряда общественных организаций. Отсутствие объективной информации о деятельности, вероучения и ор-

ганизации С.И., не позволяют органам государственной власти успешно противодействовать распространению данной религиозной идеологии, а так же вырабатывать методы профилактического характера. В данном случае, мы предоставим ряд пояснений об экстремистской сущности, имеющей латентный характер данного вероучения. В первую очередь, следует отметить то обстоятельство, что в основе учения С.И. лежит базовый принцип абсолютной истины религиозной системы взглядов, которая транслируется на лиц, попадающих под проповедническую деятельность миссионеров. Учение С.И., исходящее от так называемого «духовного остатка», «духовного израиля», «благоразумного и верного раба», то есть руководителей организации, которые имея так называемый «духовный канал», то есть прямой контакт с Иеговой, способны спасти именно ту часть рода человеческого, которое будет руководствоваться их божественным откровением. Данное положение с одной стороны формирует принцип исключительности в сознании адепта, которое стимулирует проповедническую деятельность членов организации, с искренним желанием поделиться «сокровенной тайной», носителями которой, по их мнению, они являются. Именно по этому, их проповедническая деятельность с элементами «бреда мессианства» от дома к дому и на улице приобретает агрессивный и навязчивый характер. С другой стороны, по средствам формирования в сознании членов организации понимания причастности к избранной группе людей, имеющих возможность спастись от неминуемого Армагеддона, в котором погибнут в буквальном смысле слова все жители планеты, не взирая на пол и возраст, кроме них самих, морально привязывает адепта к самой организации. К тому же, данная установка, формирующая представление о причастности к избранной группе владеющей сокрытой от большинства и абсолютной истины, стирает объективное критиче-

ское мышление, не позволяющее адепту поставить под сомнение те или иные положения исходящие от руководства. Нарушение норм поведения, регламентируемых лидерами организации и сформулированных на основе так называемого божественного откровения, которое получает «благо-разумный раб, дающий пищу во время», то есть руководство из США, влечет за собой исключения из собрания, с полным запретом общения с данным лицом членов организации. Подобного рода разрыв с вчерашними духовными братьями и сестрами, а также членами семьи, являющимися С.И., влечет за собой сильнейшую психологическую травму, так как на момент нахождения адепта в организации, в его сознании формируется неприятие окружающего мира, который является результатом порождения сатанинского обмана. Лицо, лишённое общения, в том числе и с близкими родственниками, которые являются членами общества С.И., оказывается в положении человека выброшенного на обочину жизни, находясь между миром сатаны и отвергнутой «духовной семьей». Данное обстоятельство так же является мощным стимулом для беспрекословного подчинения требованиям руководства организации «большим стадом овец», то есть рядовых членов организации. Здесь необходимо отметить, что С.И., это двухклассовая религиозная организация, состоящая из так называемого «малого стада», или «духовного остатка», то есть помазанных духом Иеговы, которые будут править на небе с Иисусом Христом, и «большое стадо», это рядовые члены, которые будут жить вечно на Земле.

Со стороны так называемых правозащитников, периодически исходит критика в адрес органов государственной власти, о нарушении Конституционных прав на вероисповедание членов общества С.И. Здесь следует отметить, что запрета на исповедование того или иного учения, от органов власти не исходит. Каждый может верить во что угодно, и в

кого угодно, модулируя любую форму мировоззрения с установкой на различные источники вероучения. Запрет касается распространения идей, признанных экстремистскими, а так же реализовывать свое вероисповедание, которое причиняет ущерб другим лицам. В данном случае, считаем необходимым обратить Ваше внимание на следующее обстоятельство. Одним из проблемных участков в реализации вероисповедания С.И., да и не только в нашем государстве, является отказ от переливания крови (гемотрансфузия). Руководство организации С.И. в 40-х годах XX века, ввело запрет на переливание крови. По сути, организация не раз вводила ряд запретов на различные медицинские процедуры, как то вакцинация и трансплантация донорских органов, которые с течением времени, так же по божественному откровению были отменены. За человеческие жизни, принесенные на «жертвенный алтарь» издательства Сторожевой Башни, как они зарегистрированы в США, организация, ответственность так и не понесла. Но гемотрансфузия, остается острой проблемой как для врачей, органов государственной власти, близких и родственников, не являющихся членами С.И., так и для самих адептов данной организации. Сами С.И. регламентируют отказ от переливания крови ссылкой на первоисточник вероучения – Библию. В данном случае, мы будем использовать их собственный перевод библейских текстов, вышедшим в свет от печатных станков общества «Сторожевой башни» под названием «Перевод Нового Мира» [2]. В издании «Чему на самом деле учит Библия?» [3.], которое внесено в Федеральный список экстремистских материалов решением Ростовского областного суда от 11.09.2009 и определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.12.2009 [4], делается акцент на библейском запрете употреблении в пищу крови: «Только не ешьте плоти с ее душой - с ее кровью» [2. Бытие 9:4], а как

результат, запрет на употребления в пищу крови: «означает избегать любого употребления крови» [3. с. 130], в том числе и переливания. В издании «Свидетели Иеговы в двадцатом веке», данный вид медицинской процедуры, рассматривается как грех: «Принимать в организм кровь через рот или вены означает попрание закона Бога» [5. с.13].

Помимо аргументов в пользу от отказа геморансфузии, имеющих богословский характер, данное положение подкрепляется примитивным логическим рассуждением о том, что: «Если врач предписал тебе воздерживаться от алкоголя, значит ли это, что его можно вводить в вену» [3. с. 131]. Подобного рода абсурдное обоснование, является веским аргументом для С.И., абсолютно не понимая того, что в данном случае проводить параллель между необходимостью продиктованной физиологическими особенностями человеческого организма, требующих вливания крови пациенту, находящемуся в критической ситуации, и внутривенной инъекции алкоголя, в которой нет необходимости ни при каких обстоятельствах, просто глупо. Это обстоятельство является наглядным примером того, как руководство организации моделирует в сознании адептов беспрекословное подчинение правилам жизни, декларируемых «духовным израиелем», и блокирует рациональное критическое мышление. Возвращаясь к данной проблеме, следует отметить, что именно отказ от переливания крови пациенту, повлекший за собой летальный исход, и являлся причиной ряда судебных разбирательств. Данная проблема стоит остро не только в Р.Ф., и дискуссия, со стороны правоведов, до сегодняшнего дня, не выработала единой точки зрения на данный вопрос. С одной стороны, звучат справедливые высказывания возложить ответственность на руководство организации С.И. за смерти людей, отказавшихся от переливания крови. Здесь же следует обратить внимание на имеющие место попыток выйти из сло-

жившейся сложной ситуации руководителями организации. Они утверждают, что ни кого насильно не принуждают отказываться от гемотрансфузии, а как результат, не собираются брать на себя ответственность за летальный исход пациента С.И. Но при этом, в качестве аргумента в пользу того, что само учение данной организации формирует принцип абсолютной истины, влекущий за собой моральную и психологическую зависимость от организации и ее религиозно-идеологических установок, создающих так называемое условие «право выбора без выбора», практически не приводится, в силу слабой научно-теоретической разработки проблемы. С другой стороны, лица отстаивающие право С.И. отказываться от переливания крови, апеллируют к работе Зильбера А.П. «Кровопотеря и гемотрансфузия. Принципы и методы бескровной хирургии». К сожалению, мы не имеем на данный момент данного издания, соответственно не имеем возможности дать ссылку в соответствии с требованиями по оформлению научных статей. В данной работе, отмечается, что отказ пациентов С.И.: «от гемотрансфузии по религиозным мотивам требует уважительного отношения врачей, поскольку такое право обосновано п.1 ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ратифицирована Федеральным законом РФ от 30.03.1998), а также п.1 ст.22 Конституции РФ, в соответствии с которыми каждый имеет право на свободу и неприкосновенность как физическую, так и моральную (духовную)», - вместе с этим: «юридическое право отказаться от гемотрансфузии по религиозным мотивам подтверждается и ст.28 Конституции РФ, а также Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, подтвержденной 11.05.1994 Советом Европы: Ст.9 ч.2: Свобода исповедовать религию или убеждение подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым в демократическом обществе в интересах общественной безопасно-

сти, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности населения или для защиты прав и свобод других лиц». Из этого следует что пациент, в данном случае член религиозной организации С.И. своим отказом не покушается ни на общественный порядок, ни на права других граждан, их требование должно быть уважено. Но мы со своей стороны считаем, что с позиций права разума на критическое отношение к религии, отказ от переливания крови пациенту, находящемуся в критической ситуации, по религиозным мотивам, необходимо рассматривать с позиций Российского законодательства в отношении к самой организации, которая модулирует в сознании адепта иррациональное решение, влекущее за собой смерть. То есть возложить ответственность за смерти граждан на руководство религиозной организации С.И. в соответствии с Федеральным законом № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» п. 6, ч. 2, ст. 14, которая гласит, что: «Основанием для ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозной организации или религиозной группы в судебном порядке являются – склонение к ... отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии», а как результат, запретить деятельность данной организации, на территории РФ. Но в данном случае, если с осознанным выбором отказа от переливания крови совершеннолетним лицом, являющимся членом религиозного общества С.И., вопрос до конца не решён, то аналогичная ситуация с ребенком, чья жизнь находится не в руках медицинского работника, а его родителя, подверженного влиянию религиозно-идеологических установок общества «Сторожевая башня», обсуждению не подлежит. В данном случае, право родителей распоряжаться жизнью своего ребенка, аргументированное религиозными убеждениями, безусловно, должно рассматриваться компе-

тентными органами самым решительным образом по отношению к руководителям организации, как на региональном, так и на государственном уровне.

Наряду с проблемой об отказе переливания крови со стороны С.И., не менее остро стоит вопрос об изучении и освящении данной религиозной идеологии, влияющей на разрушение национального самосознания и культурного наследия, действующего по принципу вирусного заболевания гепатита – «С», «ласкового убийцы», с целью проведения в рамках просветительской деятельности, имеющей профилактический характер и донесения до сознания граждан не только абсурдности данного учения, но и ее вредоносного значения для здоровой духовной атмосфера в нашем обществе. Затрагивая проблему отношения к культурному наследию и традициям различных народов со стороны С.И., следует отметить, что учение С.И. способствует размыванию национального самосознания и традиций под предлогом, что все что связано с исторической памятью того ли иного народа является язычеством, сатанинским обманом, ведущим в погибель. Об этом свидетельствует отказ от национальных и государственных праздников, дней рождения и т. д., как несоответствующих Библейским принципам (по мнению С. И.). Подобного рода явления в общественной, культурной и политической жизни должны быть вне жизнедеятельности «истинных христиан С. И.», ибо все, что не от Бога, есть от сатаны.

Затрагивая вопрос распространения литературы С.И., следует отметить, что ряд изданий общества Сторожевой Башни, внесенных в федеральный список экстремистских материалов, распространяются только среди членов организации и лиц, прошедших домашнее обучение под руководством одного из закрепленных членов организации по внутренним каналам. Доступ к изданиям внесенных в федеральный спи-

сок экстремистских материалов из числа неофитов имеют те, кто стал «не крещенным возвещателем», то есть прошедшим обучение, но еще не крещенный, при этом вставшим на путь «возвещателей царства Иеговы», то есть некрещенными проповедниками. Распространение же литературы, не внесенной в федеральный список экстремистских материалов, производится в рамках открытой миссионерской деятельности на улице, в том числе с использованием передвижных информационных стендов, на которых и располагается данная литература. Здесь следует отметить, что специфика проповеднической деятельности С.И. заключается в том, что проповедь они ведут по двое или более лиц, за редким исключением одиноких бабушек. Как результат, данный вид проповеднической деятельности с использованием передвижных стендов, рассматриваемый с позиций Российского законодательства как массовое мероприятие, стал пресекаться органами правопорядка и привлекать к ответственности членов С.И. в совершении правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст.20.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях, в соответствии с которой: «Организация либо проведение публичного мероприятия без подачи в установленном порядке уведомления о проведении публичного мероприятия, за исключением случаев, предусмотренных частью 7 настоящей статьи – влечет административный штраф на граждан от 20-ти до 30-ти тысяч рублей или обязательные работы до 50-ти часов или арест до 10-ти суток». Начало данной практике было положено Симоновским районным судом г. Москвы 28. 05. 2014 году. После привлечения к ответственности в различных регионах РФ, в том числе и г. Невинномысске, руководство организации, приняло решение о нахождении у стенда одного из членов организации, что может рассматриваться как одиночный пикет. Но учитывая специфику организации проповеднической деятельности, о которой гово-

рилось выше и которая продиктована четким, ежемесячным отчетом о количестве проповедуемых часов членами организации под взаимным контролем, на небольшом расстоянии от передвижного стенда, все же упорно находится один, или же два члена организации. Затрагивая так же вопрос о распространении литературы, не внесенной в федеральный список экстремистских материалов, следует отметить, что в соответствии со ст. 13.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях «Изготовление или распространение продукции незарегистрированного средства массовой информации, а равно продукции средства массовой информации, не прошедшего перерегистрацию, либо изготовление или распространение такой продукции после решения о прекращении или постановлении выпуска средства массовой информации в установленном порядке – влечет за собой наложение административного штрафа на граждан в размере от 1000-ти тысячи до 1500-сот рублей с конфискацией предмета административного правонарушения», а как результат, периодические издания Сторожевая Башня и Пробудитесь, издаваемые для России на территории Германии, не прошедшие регистрацию запрещены для распространения. Но С.И. продолжают распространять данную печатную продукцию, без обозначения названия данного издания на лицевой стороне обложки.

В заключении данной части работы, следует отметить, что в рамках профилактики религиозного экстремизма, на сегодняшний день наиболее отработанным методом является просветительская деятельность, которая выполняет функцию «вакцины», укрепляющей «интеллектуальный иммунитет» и призвана разоблачать подобного рода абсурдные религиозные учения, а порой и откровенную ложь, бесстыдно паразитирующей на общечеловеческой системе ценностей, через призму определенных религиозных установок. Но, к сожалению, подобного рода работа в рамках просветительской

деятельности, с привлечением в частности профессорско-преподавательского состава в первую очередь СКФУ, которые могли бы оказать неоценимую услугу в Ставропольском крае, на должном уровне не ведется. Вся тяжесть в борьбе с «религиозными паразитам» лежит на силовых структурах, за что они подвергаются порой необоснованной критике, со стороны морально нечистоплотных лоббистов. Анализ имеющейся информации о нынешней ситуации складующейся вокруг организации С.И., позволяет сделать прогноз на будущее следующим образом. Активность вовлечения в орбиту деятельность данного религиозного движения испытывает трудности в связи с кризисом актуальной эсхатологии, так как практически исчерпан ресурс пророческого дара. Но данное положение не должно являться стимулом для снижения активности в борьбе с распространением данной религиозной идеологии, так как риск попадания под ее влияния лиц подвергшихся психологической травме, или же находящихся в духовном поиске сохраняет свои позиции. В случае запрета в судебном порядке деятельности религиозной организации С.И. на территории Ставропольского края, миссионерская деятельность рядовых членов не прекратится, а примет подпольный характер, так как проповедническая деятельность, закрепляется тезисом о том, что нельзя заслужить вечную жизнь, если не проповедовать, что так же выполняет функцию психологической зависимости адепта от данного вида деятельности. Привлечение к ответственности за распространение религиозной идеологии и печатной продукции в данном случае, будет создавать эффект «мученичества» на фоне психоэмоционального переживания о своей мессинской роли, подтверждающий их правоту действий, а как результат, стимулировать дальнейшую проповедническую деятельность. Но при этом, в случае нарушения Российского законодательства при любых обстоятельствах со стороны

рядовых членов организации, необходимо концентрировать внимание на руководстве, которое подталкивает самих членов к данным действиям, оставаясь в тени от осуждения и критики.

Исламский фундаментализм. По определению Алексеева И.Л., исламский фундаментализм: «это термин, используемый для общей характеристики современных религиозно-политических движений, идеология которых в различных интерпретациях основана на обращении к религиозному, социальному и политическому опыту раннего ислама времен пророка Мухаммеда» [7. с. 425]. Учитывая то обстоятельство, что на территории Ставропольского края, подавляющее большинство населения тех этнических групп, которые исповедуют традиционно ислам, принадлежат суннитскому направлению, за исключением азербайджанцев, которые являются в основе своей представителями шиитского толка (джафариты-имамиты), мы и будем рассматривать исламский фундаментализм, в рамках данного направления. Здесь считаем необходимым дать дополнение по вопросу о мазхабах (религиозно-правовых школ), среди представителей автохтонных этносов Северного Кавказа. Представители абхазо-адыгской языковой группы, карачаево-балкарский этнический массив, ногайцы, а так же часть осетин, исповедующих ислам, являются представителями ханифитского ислама. Представители нахско-дагестанской языковой группы, являются представителями шафиитского мазхаба. В Ставропольском крае, из общего числа фундаменталистов, наиболее ярко представлены представители салафитского движения. В энциклопедическом словаре Ислам, термину салафийя дается следующее определение: «Салафийя («предки, предшественники») — салафиты, общее название в исламе, объединяющее мусульманских религиозных деятелей, которые в различные периоды истории ислама выступали с

призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, «праведных предков» (ас-саяф ас-салихун)» [7. с. 204]. К числу салафов, или праведных предков, предшественников, относятся сподвижники «пророка Мухаммеда (асхаб алькирам), их последователи – табиун и последователи табиунов (таба аттабиун)» [8. с. 632], то есть первые поколения членов мусульманской общины (уммы). Таким образом, салафитская идеология отстаивает позиции, при которых декларируется возврата к тем формам общественного и политического устройства, которые соответствуют раннему периоду мусульманской цивилизации. Между такими понятиями как салафизм и ваххабизм порой ставится знак равенства и здесь мы считаем необходимым провести коррекционную работу. Во время проведения региональной научно-практической конференции «Экстремизм на юге России: причины и профилактика», прошедшей в 2015 году, в г. Невинномысске, по итогам доклада аспиранта Лялина А.А., ему был задан вопрос со стороны руководителя круглого стола данной конференции, профессора Аксентьева В.А.: «Следует ли рассматривать ваххабизм, как самостоятельную религиозную систему», который носит дискуссионный характер. Мы (авторы), после сбора и систематизации информации, а так же анализа источников вероучения по данному вопросу, представляем Вашему вниманию итог проведенной работы. Одним из базовых элементов в салафитской идеологии является очищение религии от нововведений – бидъаа, то есть той практики, которой не было в период салафов – предков, без чего, в сущности, невозможно добиться возврата к «золотому веку» ислама. Рассмотрев отношение к нововведениям со стороны основных идеологов салафитского движения оказавшим влияние на формирование данной системы взглядов, а именно, шейх уль-ислам Таки ад-Дин Ахмад ибн Таймийя (1263 – 1328 гг.) и шейх уль-ислам Мухам-мад ибн

Абд аль-Ваххаб ат-Тамими (1703 – 1792 гг.), благодаря которому, исламский фундаментализм, или движение салафитов приобрело устойчивое определение ваххабизм, мы пришли к следующему заключению. Если ибн ат-Тамийя более лояльно относился к некоторым нововведениям, которые не противоречили по его мнению разделам фикха (правоведения) в вопросах аль акаид – вероубеждение, догматика, аль ахлак – этика, аль ибидат – поклонение, религиозно-культурная практика и аль муамалат – нормы социального поведения и взаимоотношения между собой и государством. То со стороны Абдаль-Ваххаба, отношение к любой форме нововведения строго воспрещалось, что в зависимости от тяжести содеянного, по мнению Абд аль-Ваххаба, определялось как малый или большой куфр (неверие). Приведем пример из раздела аль ибидат. В среде части мусульман суннитского направления, празднуется маулид ан-набийя (день рождения пророка Мухаммеда), приходящегося на 12 число месяца рабби аваль, по мусульманскому (лунному) календарю. Данный элемент культовой практики, вносит полемику среди мусульманских богословов, так как нет информации что день рождения пророка праздновался как во времена самого Мухаммеда, так и по времена его сподвижников, последователей и учеников последователей, а как результат, данный элемент культовой практики, необходимо рассматривать как бидъаа, то есть нововведение. Юсуф Хаттар Мухаммад, со ссылкой на труд ибн ат-Тамийя «Иктида ас-сырат аль-мустахим», передает его слова: «...некоторые люди празднуют рождение пророка и объявляют этот день знаменательной датой. Они должны за этот поступок получить большое вознаграждение от Аллаха, так как их намерения прекрасны, они возвеличивают пророка» [9. с. 109]. Юсуф Хаттар Мухаммад, так же ссылаясь на ряд других известных мусульманских богословов, определяет как минимум празднование дня рождения пророка как

бидъаа хасан (одобряемое нововведение). Со стороны носителей идеологии Абд аль-Ваххаба, мы не однократно слышали в общении, что маулид, это непозволительное нововведение. Аргументировали данную точку зрения со ссылкой на один из вариантов «Книги единобожия» (Китаб ат-Таухид), за авторством современного салафитского идеолога из КСА (Королевства Саудовская Аравия) Салих ибн Фавзан ал Фавзана, которая внесена в федеральный список экстремистских материалов по решению Бугурусланского городского суда Оренбургской области от 06.08.2007 и по определению Бугурусланского городского суда Оренбургской области от 19.10.2007. [4.]. О данной работе подробнее мы скажем ниже. В разделе 2, повествующем о запрете преступать границы дозволенного в восхвалении пророка, главы № 3 со ссылкой на вторичный источник вероучения – сунну, а именно хадис от аль Бухари и Муслим, сказано, что пророк требовал: «Чрезмерно не восхваляйте меня, как делали это христиане, восхвалявшие сына Мариам, я всего лишь раб, так что говорите – Раб Аллаха и Посланник его» [10. с. 70]. Данного примера на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы ваххабизм определить, как один из сегментов, наиболее радикальное крыло салафитской идеологии. В дополнение к выше сказанному, считаем необходимым отметить, что подавляющее большинство носителей именно идеологии Абд аль-Ваххаба, с которыми мы общались, глубоко не занимались анализом, как самих источников вероучения, так и самих трудов мусульманских богословов. Для таких лиц, принятие наиболее радикальных взглядов, является идеологическим оформлением их социального протеста, чем и обусловлен фактор поверхностного изучения данного вопроса. Данное положение позволяет в общении определить, носитель какой системы взглядов, «поработал» с интересующим лицом.

В ходе ОРМ силовыми структурами на территории

Ставропольского края, изымался большой объем различного рода аудио, видео и печатной продукции, внесенной в федеральный список экстремистских материалов. Из общего числа изъятой письменной продукции, считаем необходимым обратить внимание на оп-ределенную ее часть.

В первую очередь это Китаб ат-Таухид. Нам известно 2 издания «Книги единобожия», это сама письменная традиция Абд аль-Ваххаба, которая идет за авторством Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими, по сути Абд аль-Ваххаба, с комментариями Абдуррахмана ас-Саади и Книга единобожия за авторством Салих Фаузана, основанна на трудах ат-Таймийи, ибн аль-Кайима, Абд аль-Ваххаба и его учеников. В данной работе, рассматривающей вопросы о понятии многобожия, а так же большого и малого куфра (греха), четко и ясно формулируется мысль со ссылкой на источники вероучения, что большой куфр выводит из состояния религии [10. с. 16], что делает кровь и имущество халяльным, то есть разрешается убить и захватить его имущество [10. с. 9, 17, 26]. В некоторых случаях, дозволяется обращать семью такого человека в рабство, лишь по той причине, что его религиозные убеждения не соответствуют нормам религиозного мировоззрения данному виду салафитской интерпретации источников мусульманского вероучения [10. с. 10]. Как мы видим, данное издание толкает человека не только на действия, направленные на возбуждение религиозной вражды, пропаганды исключительности, превосходства, по признаку их отношения к религии, с использованием средств массовой информации, что соответствует ст. 282 УК РФ. Но и на умышленное убийство мотивируемому религиозной ненавистью, которое квалифицируется п. «л», ч. 2, ст. 105.

Говорить об активной деятельности запрещенной в РФ организации Хизб ут-Тахрир аль Ислами (Партия возрождения ис-лама), на территории Ставропольского края, не при-

ходится, но данная религиозно-политическая партия, так же принадлежащая к исламскому фундаментализму, не обошла внимание и наш Ставропольский край, о чем в частности наглядно показывает «блуждавшая» по рукам брошюра, под названием «Программа Хизб ут-Тахрир» [11.]. Она так же внесена в федеральный список экстремистских материалов по решению Калининского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 29.07.2009. [4.]. Хотя следует отметить, что в интернет ресурсе, а именно на страничке Хизб ут-Тахрир В Контакте, периодически появляются материалы пропагандистского характера, с концентрацией внимания на якобы притеснение мусульман силовиками в восточных районах Ставропольского края.

Если последователи салафитской идеологии, а особенно носители наиболее радикального его крыла представленного учением Абд аль-Ваххаба стоят за возврат к «золотому веку» ислама, по средствам очищения религии и реконструкции в ее изначальном виде, то Хизб ут-Тахрир, добивается по сути того же, а именно реконструкции халифата, но политическим путем. В их программе сказано: «Хизб ут-Тахрир, ставит своей целью возродить исламскую умму, с помощью озаряющей мысли, основанной на исламской акыде (раздел фикха – правоведения в исламе, затрагивающий вопросы вероубеждения прим. авторов) и стремиться возвратить ее к былой славе и величию, путем отбирания власти у государств, народов и наций куфра, чтобы снова стать ведущим государством в мире и снова, как раньше управлять миром и его делами, согласно законам Ислама. Так же целью Хизб ут-Тахрир, является распространение ислама в виде послания всему миру и управления уммой для борьбы с куфром, для того, чтобы ислам был распространен по всему миру» [11. с. 17]. Каким же образом, данное религиозно-политическое движение ставит целью для членов организации работу по «отби-

ранию власти у государства», которое рассматривается как дар аль-хабр, или дар аль-харам (земля куфра прим. авторов). На первом этапе это отказ от сотрудничества с общественно-политической системой государства, которое рассматривается как «искоренение законов куфра»: «Хизб ут-Тахрир не принимает соучастия в их правлении, так как это является соучастием в правлении куфра, как и не помогает им в осуществлении экономической реформы, или образовательной, или социальной, или же нравственной, поскольку это содействие является помощью для золимин (несправедливое правление прим. авторов) и для их укрепления и удлинения срока их порочных и кафирских законов, наоборот, Хизб ут-Тахрир работает для их искоренения, и искоренения закона куфра» [11. с. 22]. Обосновываются все эти действия превосходством ислама. «Ислам является единственно правильным. Хизб ут-Тахрир считает, что все религии, кроме ислама, такие как иудаизм, христианство являются религиями куфра, и все системы кроме ислама, такие как социалистическая, коммунистическая и капиталистическая, являются системами куфра» [11. с. 21]. После краткого рассмотрения пропагандистского материала Хизб ут-Тахрир, видно, что данная религиозно-политическая идеология, не только формирует в сознании человека чувство религиозного превосходства, но и толкает на изменение конституционного строя РФ. Не смотря на то, что официально Хизб ут-Тахрир не декларирует насильственное изменение конституционного строя в государстве, утверждая, что их борьба ведется исключительно политическим путем, что в свою очередь дает возможность различным лоббистам и так называемым правозащитникам, как например Гейдар Джемаль и Шевченко М.Л. отстаивать их право на официальную деятельность, все же следует отметить, что сама деятельность данной партии, влечет за собой эскалацию напряжения в обществе. Сам факт, формирования

у последователей религиозно-политической партии Хизб ут-Тахрир чувства религиозного превосходства, влечет за собой закономерно чувство ущемлённой обездоленности, по причине отказа принять завышенные их требования к государству и обществу, что и повлечет за собой конфликтную ситуацию в случае легальной деятельности данной партии. К тому же, о какой политической борьбе, в традиционном смысле слова можно говорить, если сама партия в своей программе декларирует отказ от совместной работы на единой площадке с другими партиями, общественными организациями, да и с государственными органами вообще, при этом ставя цель «отбирания власти», но политическим путем.

Не однократно приходилось сталкиваться с трудом Сейид Кутба «Будущее принадлежит исламу» [12.], радикального идеолога «аль Ихван аль Муслимун», запрещенной в РФ организации Братьев мусульман. Данное издание было отпечатано в Москве на заре духовного возрождения России в 1993 году, когда в поисках истины, при духовном вакууме, позволяющем безнаказанно пользоваться обстановкой, наше государство наполнили кровожадные миссионеры всех мастей. Сейид Кутб, разделяет как, и последователи «чистого ислама», наш мир на общество где все отношения регламентированы нормами шариата, а значит это справедливое общество живущее по законам творца, и мир джа-хилии (до исламская эпоха, мир язычества, невежества, куфра-неверия), где законы создаются самими людьми, то есть творениями, а не творцом, это и является причиной порождения всех проблем нашего общества.

Активного влияния на мусульман, со стороны Братьев мусульман в Ставропольском крае на сегодняшний день, не замечено благодаря профессиональной работе компетентных органов. Но сам факт данного издания, говорит о попытках закрепиться на данной территории. Так же следует отме-

тить, что из общения с отдельными лицами в Ставропольском крае, позиционирующих себя салафитами, высказывалось мнение о нежелании сотрудничества с представителями органов государственной власти, официальными лицами ДУМСК. Данное положение согласуется с теорией Сейид Кутба, такфир валь-хиджара (такфир-обвинение в неверии, хиджра-переселение, переход, уход от мира неверия). Данная теория такфир валь-хиджара, дала основу одноимённому, боевому крылу джихадистов Братьев мусульман. Выше изложенное положение наглядно показывает, что данный «вирус» религиозного экстремизма, представленный Братьями мусульманами на территории Ставропольского края оставил след своего присутствия в сознании определенной части лиц исповедующих ислам.

По имеющейся информации, если изначально организация стояла на пути консолидации мусульман суннитов, не смотря на внутреннюю полемику в области догматики, то на сегодняшний день, руководством организации выбрана салафитская идеология, с целью снижения возможности внутренних разногласий, связанных с вопросами имеющих богословский характер. При этом, следует отметить, что со стороны шейхов КСА, периодически в адрес Братьев мусульман, звучит критика о недостаточной работе по призыву к таухиду, то есть, их политическая деятельность, а если быть более точными с нашей стороны военно-политическая дея-

тельность имеющая террористический характер, отодвигает на второй план миссионерское служение по распространению мусульманского варианта монотеизма, в интерпретации салафитских идеологов. Возвращаясь к данному изданию, можно лишь сказать, что оно носит пророческий характер, обосновывая превосходство ислама, а как результат, победу ислама на глобальном уровне доказывает, что продиктовано данное положение, кризисом западной цивилизации. Данный вопрос автор подробно пытается рассмотреть и обосновать свой взгляд, в главе «Роль белого человека кончилась» [12. с. 49-62].

В заключении данного раздела, считаем необходимым отметить, что справедливое, но «избитое» утверждение о необходимости вести просветительскую деятельность в рамках профилактики религиозного экстремизма представленного исламским фундаментализмом, необходимо. Но при этом считаем необходимым отметить, что необходимо расширять линейку данной работы на междисциплинарном уровне. Одним из направлений в данной работе может оказать услугу историческая наука. Из общения с наиболее радикальными представителями мусульманского вероисповедания в Ставропольском крае, мы обратили внимание, что в качестве одного из аргументов, обвиняющих российскую власть, является историческая память, а особенно русско-кавказские отношения в контексте Кавказской войны. Имплантируемое в их сознание деформированное восприятие данной страницы нашей истории, создает восприятие роли России в истории народов Кавказа, и мусульман в целом, как абсолютного зла, что естественно сохраняет свои позиции вплоть до сегодняшнего дня. Подобного рода взгляд на прошлое, создает благотворную почву для формирования религиозных экстремистских идей, требующих немедленно освободиться от «оков российского империализма», унижающего не просто

умму (мусульманскую общину), но более того, само божественное повеление Аллаха жить по его законам. Вмести с тем, предъявить претензии самой России за «кровавый и безжалостный» процесс интеграции Северо-Кавказского региона в свои геополитические рамки. Пропаганда в данном направлении ведется успешно из зарубежа по средствам не только интернет ресурса в русскоязычной версии, но и с распространением художественных, документальных и даже детских мультипликационных фильмах, повествующих о бесчеловечной Кавказской войне. Так например, на сборнике детских мультипликационных фильмах с переводом на русский язык, повествующих о великих победах муджахедов в истории ислама, рассказывается как гордый и смелый защитник ислама, ших Гази хан Мухаммад Мулла (в русских источниках Кази мулла), первый имам Кавказской войны, во время гимринской трагедии 1832 года, призывает не жалеть свои жизни во имя свободы мусульман в борьбе с кровожадными и мерзкими русскими гяурами. В мультипликационном фильме русские офицеры и солдаты изображены мерзкими, трусливыми не способными в открытом сражении противостоять защитникам ислама. Во первых, мы не сколько не хотим умалить борьбу горцев в данный период времени под руководством имамов Кази муллы, Гамзат-бека и Шамиля. Во вторых, сама Кавказская война, это не просто сложное, многогранное и не однозначное явление, которое до сих пор, не смотря на большое количество фундаментальных трудов, носит дискуссионный характер, это наша совместная трагическая страница истории, спаявшая в единое государство. В третьих, во время Кавказской войны как русские воевали на стороне имамов, так и сами горцы участвовали совместно с командованием в борьбе с имамской властью, поддерживаемые мусульманским духовенством в лице Саид эфенди Араканского, перешедшего на сторону России Сулейман-эфенди,

акушинского кадия Магомеда и ряда других лиц, выступавшим против имамской власти. По сему, данный конфликт, это наша, внутренняя проблема, война взаимонепонимания того времени, которая как мы видим, пытается использоваться различными силами, с целью вновь вовлечь в мир хаоса наш дом Россию, с детства закладывая ненависть детскому сознанию. Именно по этому, на наш взгляд, на момент проведения различного рода мероприятий имеющих профилактический характер необходимо привлекать историков из Северо-Кавказского федерального университета. Так же обращаясь к их богатому опыту, в области исследовательской и преподавательской деятельности, привлекать к работе по выработке методов реализации их теоретических наработок, которые будут играть роль «вакцинации» от агрессивной религиозной идеологии исламского фундаментализма, апеллирующего к искривлённому восприятию исторического прошлого.

Подводя итоги, следует отметить, что, религиозный экстремизм, как одно из деструктивных проявлений религиозного опыта вообще, представляет собой сложное и многогранное явление в силу своего отображения во всех сторонах частной и общественной жизни недостаточно изученное явление. Не смотря на сформулировано юридическое определение в Российском законодательстве того, какие действия считаются экстремистскими, и содержится они в статье 1 Федерального Закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», где в соответствии с поправками от 29 апреля 2008 г. к экстремистской деятельности (экстремизму) относится ряд положений, одно из которых - это пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, позволяют четко определить

экстремистский характер того или иного источника идей, а соответственно и самой идеологии, как например рассмотренное нами ранее издание «Книги единобожия». То, учитывая изощренную изворотливость идеологов апеллирующих в одностороннем порядке к системе ценностей, историческому прошлому и ряду других компонентов формирующих наше мировоззрение, формирующую принцип исключительности, необходимо выработать методы, а как результат, критерии, позволяющие выявлять и определять экстремистские положения, имеющие латентный характер.

Литература

1. Кондратьев Ф. В. Сатанизм как реальность и «сатанизм» как психическое расстройство / <http://www.vernost.ru/pogib02.htm>

2. Священное Писание. Перевод нового мира./Пер. с англ. испр. в 1984. – Изд.: Watchtower Bible and Trast Society of New York, INC. Brooklin, New York, U.S.A.

3. Чему на самом деле учит Библия? - Изд. Watch tower Bible and Tract Society of New York, Inc. Brooklyn, New York, U.S.A. 2005.

4. Федеральный список экстремистских материалов. <http://www.minjust.ru>.

5. Свидетели Иеговы в двадцатом веке. ? – Изд.: Watchtower Bible and Trast Society of New York, INC. Brooklin, New York, U.S.A.

6. Алексеев И.Л. Исламский фундаментализм. Религиоведение / Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект. 2006.

7. Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1991.

8. А. Али-заде. Исламский энциклопедический словарь. – М.: Изд. Ансар. 2007.

9. Юсуф Хаттар Мухаммад. Энциклопедия суфизма./Пер с араб Адыгамов Р. – М.: Изд. «Ансар», 2005.

10. Салих ибн Фавзан ал Фавзана. Книга единобожия. Без времени и места издания.

11. Программа Хизб ут-Тахрир.(Б. д.м. изд.).

12. Сейид Кутба. Будущее принадлежит исламу. – М.: Сантлада, 1993.

И.А. Бокачев, И.И. Незнамова

Проблемы безопасности духовной культуры современного российского общества

Обеспечение безопасности духовной культуры - это не отвлечённая проблема нашей действительности, а настоятельное веление времени. Ведь ни для кого не секрет, что многие экономические, политические неудачи, торможение процессов демократизации, государственного строительства - всё это напрямую связано с кризисом духовной культуры. Разложение нации и даже гибель государства, как показывает история, практически всегда начинались с разложения духовности и основ культуры, уничтожения моральных принципов, подмены ценностей, внедрения ложных идей. Это во многом лишает возможности формировать адекватный ответ не только историческим, но и современным геополитическим вызовам, обеспечивать безопасность духовную, культурную, экономическую и даже военную.

Однако прежде чем рассмотреть обозначенную проблему, следует уточнить её наиболее общие вопросы, имеющие теоретико-методологическую основу. В первую очередь это относится к понятиям «духовная культура» и «безопасность». Например, необходимость уяснения термина духов-

ной культуры вызвана тем, что это понятие в интерпретации современных политиков, государственных чиновников всё чаще и чаще сужается до различных жанров искусства, организации досуга, сводится к развлечениям, в то время как «духовная культура - предтеча и духовный исток культуры материальной, всего человеческого бытия» [1, с.44]. Духовная культура - это то, что отличает человека от животного, это качественное состояние (как выражение), это своего рода уровень достигнутого в развитии и формировании целостной личности и общества. Целостный человек, по сути, духовный человек, он не будет ставить перед собой безнравственные цели и тем более осуществлять свои «благие намерения» безнравственными средствами.

Духовное бытийствует как индивидуализированное духовное, присущее отдельно взятому человеку (духовный мир человека) и как объективированное духовное (общественное сознание). В то же время человек вне культуры не может осуществить себя в качестве человека и реализовать свой духовный потенциал. В конечном счёте, ценность культуры есть производная от самооценности человека. Однако приобщить человека к культуре можно лишь тогда, когда личность начинает не просто созерцать культурные символы, а оживлять их в собственной душе, в своем творчестве и повседневной деятельности. «Культура, её символы, как справедливо замечает О. Шпенглер - живут не сами по себе, а лишь через творческую активность вдохновлённого ими человека. Если же человек отворачивается от культурных символов, то они умирают, и от культуры остаётся символическое тело, из которого ушла душа» [2, с.329].

Следовательно, культура и человек, культура и духовность немыслимы друг без друга, и рассматривать их следует в единстве и целостности. Такой подход выражает достаточно устойчивую традицию. Но при первом же рассмотрении

видится определённая подмена: собственно «духовность» и «культура» не могут быть тождественными, как не могут быть тождественными производные от них понятия: «сознательная культура», «идеальная культура» и т.п. Разве в данном случае мы говорим об одном и том же? А само словосочетание «духовная культура» содержит тавтологию: что-то вроде «духовная духовность». Значит неправомерно сводить культуру к духовности и тем более говорить о разделении культур. Наиболее чётко эта мысль отражена в высказывании В.С. Библера, который, говоря о разделении культур на материальную и духовную пишет: «...нелепо говорить отдельно о «материальной» и «духовной» культурах или сводить определение культуры к чистой духовности. Существенно как раз то, что культура - это всё целостное бытие человека, понятое... как феномен самоустремлённости, т.е. в своем духовном острие»[3,с.307].

В то же время следует чётко себе представлять, что культура - это усилие, но «моё» усилие, а не насилие по отношению к личности и её духовному миру. Образ сложноорганизованного социокультурного вакуума, уже использовавшийся в контексте психологии В.А. Лефевром, довольно точно описывает ситуацию человеческого развития. Человек действительно может находиться в культуре и оставаться вне её. Он может быть пустым местом для культуры и культура может быть чужой для него, он может смотреть на культуру ненавидящими глазами, проходить сквозь неё как сквозь пустоту, не «запачкавшись» и не оставив на ней своих следов. Хотя последнее может быть не самый худший вариант обращения с культурой. Это и означает - быть в культуре как в вакууме. Если так понимать культуру, то в неё не включаются моменты агрессивности, насилия потому что насилие и культура несовместимы. Насилие не имеет ничего общего с культурой. В этом понимании культура - движущая, куда

то детерминанта, вынужденная искать для себя образцы, двигатели.

Данный анализ показывает, что духовное обновление, совершенствование личности и общества возможны только в культуре и через культуру. В культуре человеку открываются горизонты для приобщения к новейшим достижениям современной цивилизации, к её высшим духовным ценностям. Здесь человек ощущает потребность жить и творить не столько для себя, сколько для других, для общества, в конце концов, человек в культуре может и должен стать Человеком. Именно культура всё решительнее заявляет о себе как самостоятельная животворящая сила, оказывающая огромное воздействие на всю атмосферу в обществе, что бы центроостремительные силы окончательно не разнесли его в прах.

Проблема актуализируется ещё и тем, что за годы социальных, политических и экономических трансформаций было утрачено в значительной степени многое из культурного достояния России. Изменились ценностные ориентации её граждан, прежде всего подрастающих поколений, претерпели существенные изменения международные и внутренние информационно-культурные связи, национальная, традиционная культура наших народов стала испытывать жёсткий прессинг извне, со стороны масс - культуры разрушающей духовный мир человека и традиционные ценности. Идёт активный процесс индокринации и вестернизации. Некогда целостное культурное пространство стало распадаться на отдельные всё менее связанные в культурном отношении сегменты, не объединённые, как прежде, общими ценностями, нормами, а зачастую и противостоящие друг другу в культурном, духовном смысле. Духовная, информационная, культурная сферы являются сегодня театром глобального противодействия. Становится очевидным, что от культуры, и в первую очередь от её духовной составляющей, во многом

зависит не только успешное реформирование российского общества, но и его будущее.

Всё это говорит о том, что в настоящее время, как никогда ранее, весьма остро ощущается проблема защиты культуры, обеспечения её безопасности. Неслучайно понятие безопасности в современной гуманитарной, в том числе философской науке, играет всё более заметную роль. По словам А.Ю. Моздакова «... функция обеспечения безопасности неизменно остаётся одной из важнейших, а в состоянии кризиса могут оказываться лишь институты, эту функцию выполняющие»[4,с.18].

Одним из первых философов, непосредственно обратившихся к проблеме безопасности, был Ф. Бэкон. Понятию безопасности в теории «общественного договора» Т. Гоббса отводится центральное место. По мнению Гегеля, иерархия объектов безопасности должна служить критерием степени тяжести преступления. Самыми опасными классик немецкой философии считал те преступления, которые посягают на безопасность государства, т.к. их косвенным следствием будет угроза безопасности самого человека. В современной, так называемой философии постмодерна так же имеют место представления о безопасности. Так, например, по мнению М. Фуко в современном обществе сфера гарантий безопасности максимально расширяется, но вместе с тем расширяется и сфера контроля, и сфера возможностей власти. Не далеко от М. Фуко в своих рассуждениях о безопасности ушёл Ж. Бодрийяр. Теоретические и практические вопросы безопасности содержатся и в отечественной научной литературе, хотя и имеют они, как правило, узко профессиональную направленность. Здесь, в основном преобладает точка зрения, согласно которой данная проблема рассматривается в зависимости от задач, решаемых представителями того или иного научного направления. Однако нас в данном случае, интере-

суют не столько рассуждения о безопасности вообще, сколько о безопасности духовной.

По мнению В.В. Сергеева « Сохранение и обеспечение безопасности духовной культуры - необходимое условие, позволяющее России и россиянам отстоять основополагающие принципы, нормы, традиции, уклад, национальное самосознание и культурную самобытность, культурную самоидентификацию, складывавшиеся на всём долгом пути исторического развития»[1, с.44]. Свой взгляд на проблему имеет А.Ш. Викторов. По его мнению «Духовная безопасность любого общества непосредственно определена состоянием и условиями его устойчивой жизнедеятельности, которая обеспечивает сохранение и защиту нравственного и социокультурного потенциала того или иного народа, опирающегося на свои традиционные устои и идеалы»[5, с.44].

Эти и другие точки зрения на безопасность общества через призму духовной культуры позволяют выявить не только различные комплексы социокультурных взаимосвязей, но и дают возможность воссоздать целостную картину общественного развития, помогают объяснить многие противоречивые процессы в современной социальной и духовной жизни России. Они подтверждают мысль о том, что кризис культуры всегда был связан с духовными основаниями, кризисом духовности. Сегодня уже ни для кого не секрет, что так называемый «культурный проект» младодемократов заключался в тотальной отрицании всего накопленного многонациональной культурой российского, а затем советского государства, высмеивании традиций народной культуры, русской и советской классики. Они избрали тот же скользкий путь, по которому прошли так называемые «пролеткультовцы» в 20-х - 30-х гг. прошлого столетия. На этом пути не осталось и следа от их бредовых идей. А что же современные «пролеткультовцы» хотели предложить народу, и, прежде

всего молодёжи, взамен? Был предложен суррогат западной масс-культуры в области литературы, музыки, кино, театра. Началась культурная экспансия, в том числе экспансия масс-культуры, для которой свойственна общая характерная черта - стремление добиться осуществления определённых целей государством, путём прямого или косвенного воздействия на сознание людей, вызвать изменение взглядов, шкалы ценностей, «эрозию духовности».

Сильное тлетворное воздействие на культуру оказывает «диктатура наживы». Вот, например, что писал о своём творчестве Пикассо ещё в середине прошлого века: «Со времён кубизма и даже ещё раньше я удовлетворял всех критиков бесконечными художественными вывертами, которые приходили мне в голову и которыми они тем больше восхищались, чем меньше они были ими поняты. И слава означала для художника способность продать картину, нажить благосостояние, богатство. Я ныне не только знаменит, но и богат. Если же я остаюсь наедине с собой, я не осознаю себя художником в большом значении этого слова. Великими художниками были Джотто, Тициан, Рембрандт и Гойя. Я всего лишь художник – шутник, который понимал своё время и, как мог, угождал глупости, похотливости и тщеславию современников»[6,р.4]. Так в обществе «золотого тельца» художник вынужден скатываться к пошлости, убивать подлинное искусство «чёрными квадратами», которые может нарисовать любой ребёнок. Но какая шумиха поднимается всякий раз в прессе вокруг этих «гениальных творений»! На аукционах они покупаются за миллионы долларов. Примером нравственной и идейной извращённости и пошлости могут служить и многие наши телеканалы, служащие частным интересам, в том числе зарубежным. Доминирующим фактором культурной трансляции становятся не смысл или качество, а мультимедийные механиз-

мы его тиражирования. Так возникает феномен господства «массовой», низовой культуры - массовой по способу производству, потребления и распространения. Содержание поп-культуры при этом противостоит не культурным смыслам высокой «элитарной» культуры, а культуре как таковой. «Массовая мультимедийная «культура» контркультурна по сути. Это симулякр культуры» [7,с.195].

Речь идет о том, что на смену господствовавшему в классической культуре принципу целостности приходит клиповое сознание, основанное на поверхностном восприятии фрагментов реальности и артефактов культуры. Дефрагментация целостности мира сопряжена с утратой ориентации на сущность и истину – поиск истины уступает место игре произвольной интерпретации. Поп-культура в этом смысле бросает вызов не только научному и философскому рационализму, но и рациональному мышлению человека вообще.

Масс-культура изначально существует и развивается в целях мифологизации действительности, духовного, а значит и физического подчинения толпы, она представляет собой целую индустрию иллюзорного сознания [8,с.25-40]. Многолетний опыт показывает, что культурная экспансия осуществляется не посредством каких-то разрозненных акций, а планомерно и последовательно, в ходе её реализуется множество различных по целям и задачам компаний, объединённых одной направленностью. В наше время воздействие масс-культуры на человека стало намного более разнообразным, действенным и изощрённым в связи с созданием новых технологий управления огромными массами людей. Специфика масс-культурных манипуляций заключается в том, что они совершаются для достижения конкретных целей, скрытых от объекта воздействия. Как правило, делается это весьма искусно, а вернее сказать - изощренно. Внушаемая информация внешне незаметно вкрапляется в контекст дра-

матического, литературного произведения, текст песни, содержание рекламы и таким образом не явно, но прочно внедряется в подсознание аудитории. Такой метод гораздо эффективнее прямой пропаганды или агитации и существенно расширяет диапазоны манипулятивных возможностей. Суть манипуляции заключается в том, что она погружает человека в некую ирреальность, в которой человек и осуществляет свой выбор целей, ценностей, путей и т.п., не осознавая несамостоятельность принятого решения и того, что он следует воле манипулятора.

Всё это позволяет, в какой то мере, возразить тем учёным, которые считают, что культура, и, прежде всего массовая, возвела в абсолют свои рыночные свойства. « Американская массовая культура в приобретении «суперрыночного качества» обогнала культуры всех стран и стала ведущей на глобальном рынке. Американские фильмы, телепрограммы, поп-музыка «оккупировали» большинство стран мира. Глобальный культурный рынок, который создали США, «втаскил» американский культурный продукт в сферу национальных культур»[9,с.36]. Даже встревоженный мир попытался сопротивляться американской культурной экспансии. Весьма примечательной в этом плане является конвенция о культурном разнообразии, которую приняла ЮНЕСКО на своей сессии еще десять лет назад. Уже само название конвенции говорит о том, что её цель- стимулирование альтернатив глобализации культуры в американском варианте. Это действительно так.

Однако здесь мы вправе поставить ещё один вопрос. А надо ли и можно ли в экспансии американской культуры, культурных ценностей полагаться только на рынок, на финансовые коммуникации? По- видимому нет. Важно иметь в виду, что рынок имеет лишь касательное отношение к проблеме. К сожалению, в мире до сих пор есть силы, которые,

прикрываясь самой сутью рыночных отношений, решают свои, нередко корыстные цели, создавая глобальный мир по-американски. В этом мире всё, в том числе и культура устанавливается и контролируется США и их единомышленниками, претендующими на глобальное господство. Сильные государства с целью увеличения своего влияния, авторитета, достижения тех или иных интересов системно, с использованием манипулятивных технологий внедряют свои культурные идеалы, образцы, принципы среди граждан других стран, что с одной стороны, ведёт к установлению духовной, культурной, моральной и нравственной зависимости, а с другой - способствует разрушению традиционных духовных, культурных нормативов, приводит к деградации национальной культуры, индивидуального и общественного сознания.

Уверенной поступью, шествуя по миру, масс-культура искажает язык, обедняет его, засоряет заимствованиями, вульгаризмами, арготизмами и как следствие - искажает процесс мышления, обедняет чувства, лишая человека и общество духовной составляющей. С полным правом можно сказать: сегодня русский язык заражён американизмами, тюремной лексикой, разного рода провинциализмами. И может быть самое тревожное – он сдаёт завоёванные в свое время позиции. По данным Центра демографии и экологии человека ИНИ РАН (ЦДЭЧ), русский - единственный из 10 -12 ведущих мировых языков, который на протяжении последних 15 лет утрачивает свои позиции в мире. К 2025 г., по прогнозу ЦДЭЧ, число владеющих русским упадёт до 152 млн. человек[9,с.40]. Повидимому, неслучайно, в России была принята Федеральная целевая программа «Русский язык», рассчитанная на 2006 - 2010гг. Однако каждый здравомыслящий человек понимает, что утратить завоёванные позиции во много раз легче, чем их восстановить. Сегодня уже нужны долговременные про-

граммы, рассчитанные не на пятилетие, а на многие десятки лет вперёд.

Ещё более тяжёлые последствия могут ожидать нас в связи с разрушением традиционной морали, переоценкой ценностей. Разве можно не согласиться с В.В.Сергеевым, который пишет: «За годы реформ выросло поколение, оторванное от своих корней, - «поколение пепси» с расщепленным сознанием, с утраченными ориентирами, бездуховными целями, путающееся в представлениях о добре и зле. Культурная «шоковая терапия» нанесла ущерб людям гораздо больший, чем экономическая, привела общество к взрыву насилия и преступности, росту числа самоубийств, пьянства, наркомании, бродяжничества, сексуальной распущенности, девальвации института семьи и брака» [1,с.48]. Основные угрозы в сфере культуры заключаются в размывании базовых культурных и нравственных ценностей под воздействием масс-культуры, ведущих к деформации российской ментальности и утрате традиционной национальной культурной идентичности.

Именно поэтому в современном научном знании культуре отводится решающая роль не только в социально-экономическом развитии общества, но и в формировании новой гуманитарной парадигмы XXI века, ориентированной на наукообеспечение и безопасность России[10,с.346-347]. Определённую угрозу социокультурной реальности представляет рост криминальной субкультуры, романтизация её образа. Преступная идеология сегодня усиливается по всем направлениям социального бытия, нормы поведения криминальных сообществ становятся своеобразным придатком жизни и деятельности значительной части населения нашего государства. Из сленгов преступников слова «отморозки», «крыша», «наезд», «бабки» и другие переместились в обыденную речь некоторых политиков, депутатов, деятелей культуры, руководителей различного уровня, в публикации

СМИ. С экранов телевизоров и кинотеатров по-прежнему «потоками льётся человеческая кровь», насаждается культ насилия. Героями дня и литературных произведений продолжают быть представители преступного мира, «бригадиры», «братки» и их пособники, представительницы «самой древней профессии» стали кумирами немалой части современной молодёжи. «Таких масштабов распространения криминальной субкультуры, её архетипов на российском культурном пространстве, проникновение в социум и его культуру, усиления влияния на многие стороны жизни и деятельности страны Россия не знала на протяжении всей своей многовековой истории»[11,с.279].

И это в то время, когда наукой доказано, что при определённых условиях субкультура, включая криминальную, может эволюционировать в контркультуру, которая, как известно, имеет свойство при благоприятной обстановке трансформироваться в доминирующую, официальную культуру, может угрожать национальной безопасности страны.

Таким образом, культура, в том числе духовная, переживает тяжёлые времена. Обеспечение безопасности духовной культуры предполагает адекватную реакцию государственных и общественных структур на реальные и потенциальные угрозы в этой области. От фиксирования и оценок процессов в сфере духовной культуры пришло время перейти к формированию государственной системы, способной регулировать процессы в этой сфере, эффективно противодействовать экспансии масс-культуры, моральному, нравственному, культурному разложению нации. Пришло время учиться видеть опасность, распознавать любые попытки манипулятивного воздействия, понимать, кто стоит за кулисами масс-культурного действия и какие цели преследует. Особое внимание следует обратить на детей, подростков, молодежь, не обретших ни житейского, ни культурного опыта и потому беззащитных

перед орудиями масс-культуры. Каждый должен понять, что преодоление кризиса культуры возможно лишь через возврат государства и творческой интеллигенции к исконно-духовным ценностям российской культуры.

Литература

1. Сергеев В.В. О безопасности духовной культуры в российском обществе//Социально - гуманитарные знания.- 2007.- №4.- С. 44.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. - М., 1993.- С. 329.
3. Библер В.С. От наукоучения - к логике культуры: Два философских введения в XXI век.- М., 1991.- С. 307.
4. Моздаков А.Ю. Понятие безопасности в классической и современной философии // Вопросы философии.- 2008.- №4.- С. 18.
5. Викторов А.Ш. Духовная безопасность российской цивилизации. - М., 2005.- С. 11.
6. The Argonaut, 9/1960\$ Der Eidgenosse, 26.09/1981, P. 4
7. Миронова В.В. Диалог культур и глобализационные угрозы // Философия и общество. – 2012. - №4. – С.86
8. См.: Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. - М., 198.- С. 25 – 40.
9. Макаревич Э.Ф., Карпухин О.И., Глобальные коммуникации и культурно-политическая экспансия// Социально-гуманитарные знания.- 2007.- №4.- С.36.
10. См.: Кузнецов В.Н. Российская идеология. - М., 2004.- С. 346 – 347.
11. Катин В.И. Криминальная субкультура и её культурологические значения // Социально-гуманитарные знания. - 2007 .- №5. - С. 279.

Содержание

1. Молодежная экстремология в контексте теории информационной безопасности	6
<i>В.И. Каширин, О.В. Каширина</i>	
2. Терроризм как фактор разрушения современной цивилизации.....	19
<i>И.А. Аникеев</i>	
3. Основные тенденции современного терроризма в оценке «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации»	30
<i>И.А. Аникеев</i>	
4. Современные грани политического терроризма	42
<i>А.К. Боташева</i>	
5. «Великое переселение народов – 2» и будущее Европы.....	53
<i>А.А. Аникеев, С.В. Пинягин</i>	
6. Эскалация террористической деятельности в регионе в конце XX – начале XXI веков.....	65
<i>Г.П. Савенко</i>	
7. Вопросы религиозного экстремизма в Ставропольском крае.....	76
<i>А.А. Лялин, Ю.Б. Акаелов</i>	
8. Пути преодоления идеологии современного экстремизма на Северном Кавказе.....	89
<i>О.Н. Гундарь, Е.С. Гундарь</i>	
9. Проблемы безопасности духовной культуры современного российского общества.....	116
<i>И.А. Бокачев, И.И. Незнамова</i>	

ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ
И ТЕРРОРИЗМУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Формат 60x841/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,67. Тираж 300 экз. Заказ № 1.
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО “Ставропольиздат”
355035, г. Ставрополь, пр. Октябрьской Революции, 32,

